

Вместе весело шагать по просторам! Часть 1.

15.декабря 2023.

Капланкырский заповедник спустя семь лет после нашего приезда в Туркмению заметно расправил плечи. О нём уже знали и ценили работу и мнение научных сотрудников. Мы много ездили по профильным конференциям, общались не только с природными охранниками страны, но и иностранными специалистами пустынных территорий. Но самое замечательное было то, что наши полевые работы стали такими, какими и должны быть: охватывать все природные комплексы огромной территории заповедника в 570 тысяч га.

Министерство Охраны Природы Туркмении выделяло нам все необходимые средства. Мы могли планировать перелеты с точки на точку, заказывать машины и делать учёты не тогда, когда получится, а когда это необходимо. К весне 1989 года дети научного отдела, наши самые младшие научные сотрудники, подросли. Первенцам было по 5 лет, а самому младшему 3 года. Этот факт позволял нам не сидеть на одном месте, а передвигаться с точки на точку. Наша семья в составе геоботаника и орнитолога поработала в тот год не только на стационаре Бурчлибурун, но и в Северных Каракумах на заросшем уже днище Унгуза, во впадине Акча-Кая, на архипелаге озера Сарыкамыш и в окрестностях останца Бутентау на севере области.

По приезду на Бурчлибурун в конце марта нас ждал приятный сюрприз. Лесники оборудовали там небольшой бетонный сардоб (круглая емкость с крышкой) на 10 кубометров. Воду к нашему приезду подвезли хорошую, дождевую, из больших сардобов с такыров, расположенных восточнее. Кроме водохранилища в лагере лесники обустроили искусственный бетонный водопой для архаров примерно в пяти километрах. И воду из нашего сардоба можно было доставлять туда машиной.

Унгуз

После трёх недель работы на нашем стационаре Бурчлибурун на окраине Южного Устюрта мы перелетели на самолёте в Северные, или Заунгузские, Каракумы, в царство песков и такыров. Там уже стояли лагерем семья Заток и лаборантка Алла. У Жени и Андрея Заток тоже были девочка и мальчик, почти ровесники наших. И пока мы там работали, за этим детским садом пришлось присматривать Алле. Ведь мы прилетели всего на неделю, а обследовать надо было немало. Хорошо, что лётчики разрешили Володе загрузить в самолёт мотоцикл. Транспорт очень помог нам.

Палаточный лагерь в Заунгузских Каракумах. Катя и Аня. апрель, 1989

Дети были очень рады встрече, ведь в городе они виделись часто, играли вместе. И конечно в обновленной компании девочки устраивали свои домики, а пацаны дружно покоряли на игрушечных вездеходах препятствия пустыни. И ссор и размолвок не было вообще!

Перед отлётом с Унгуза. Дети и Алла.

Бурчибурун

Улетая на Бурчли мы не прощались надолго. Катя и Ваня Затоки скоро прилетели к нам на наш стационар, чтобы там поработали их родители. Ведь герпетолог и специалист по грызунам в научном отделе были единственными и неповторимыми. И пока Андрей картировал черепах и "охотился" за пресмыкающимися, а Женя определяла численность песчанок и тушканчиков, дети так же дружно проводили время в лагере.

В этот год Володя сделал у вагончика навес и соорудил небольшой спортивный уголок. Ребята конечно и на кольцах, и на качели развлекались, но окрестности лагеря их манили всё же больше.

Вагончик как тренажёр. На крыше - Аня, на перекладине Ваня и Лёша

Девчоночьи игры: Катя Затока и Аня

Мальчишечьи игры: Алеша и Ваня Затока

На холме метрах в 30 от вагона поселилась семья сусликов. У них уже подросли детёныши, которые часто вылазили обозреть мир. Наши дети бегали туда смотреть на эту передачу "В мире животных". А когда приехали гости, Аня решила показать и им семейку сусликов. Но на хом они забирались шумной ватагой, переполненные эмоциями от встречи. Суслики конечно же нырнули в норку. Но Аня не долго думая, решила достать сусличенка из норы, ведь его хвост торчал наружу. И суслик её укусил.

Мы не сразу поняли, что произошло, когда ревущая дочь скатилась в лагерь с холма. Только остальные объяснили в чем дело. Укус был небольшой, эпидемий по заверениям противочумников в этом году не было. Помазали зелёнкой и забинтовали для красоты. Уже к вечеру бинт где-то потерялся, и про укус Аня забыла. Но эффект неожиданной самоотверженности суслика помнят до сих пор все.

На полевые работы нам приходилось брать не только детей, но и домашних животных. Черновы возили с собой несколько лет кошку Кису. Мы в этот год взяли подаренную Володе в начале зимы кошечку Шипу. А Андрей Затока возил с собой повсюду своих кобр и других жителей его домашнего террариума. Наша Шипа была привезена котёнком из пустынного кишлака, у неё на ушах были

большие кисточки, что свидетельствовало о родстве со степными котами. И предпочтения в еде она отдавала свежему мясу.

Семейка жёлтых сусликов на Бурчли. Май, 1989

И вот Андрей как-то выпустил своих кобр прогуляться поутру. Ещё было не жарко, змеи не сильно согрелись. А Шипа усмотрела в двух кобрах опасность, видимо на генном уровне. И стала подкрадываться к ним. Андрей не стал дожидаться конца охоты и отпугнул Шипу кусками глины. Этот момент запечатлён на фото

Андрей Затока защищает своих домашних животных от нашего домашнего животного. Бурчли, весна 1989 года

Хоть дети и непоседы, но иногда их удавалось собрать в кучку. И даже с интересным растением-паразитом на корнях черного саксаула: цистанхе.

Бурчли 1989: Катя Затока, Алёша, Ваня Затока, Аня

Когда я уходила недалеко на свои площадки, то брала ребятшек с собой. Так мы оказались недалеко от местного аэродрома под чинком Карагуш примерно в километре от лагеря. Володя возвращался в лагерь и в бинокль увидел нашу весёлую компанию. Её также можно было и услышать. А мы оказывается расположились как раз под гнездом домового сыча. Володя решил проверить гнездо, а там - птенцы уже на вылете. Очень удачно. Иначе бы и не узнал, сколько их там было. Ведь нора сыча глубоко расположена, яйца не посчитать. Вот так детям удалось подержать птенцов, помочь отцу. Потом все пушистики снова были помещены в нору.

Дети и птенцы домового сыча. Бурчли, 1989

Акча-Кая

В начале мая мы снова покинули наш основной стационар на недельку. Потому что ездили в удивительное место в Заунгузских Каракумах впадину Акча-Кая. Это

***бессточная впадина в северо-западной части пустыни Каракумы в Туркмении.
Расположена южнее Сарыкамышской впадины. Длина впадины около 50 км, а ширина***

6 км, относительная глубина около 200 метров, а абсолютная, относительно уровня мирового океана — минус 81 метр. Впадина впервые была исследована географом Э. М. Мурзавым в 1935 году.

Там в отличие от наших мест пески были заселены белым саксаулом (у нас рос только чёрный), и травянистая растительность была совсем иная. Барханные пески, которые окружали впадину, были богаты новыми для меня видами растений, но не очень-то богаты птичьим населением. Всё из-за того, что местообитания не были разнообразны: сплошные пески по краям впадины и почти голые такыры на её дне. Но нам повезло приехать на цветение эремурусов. Это событие ещё более впечатляет, чем цветение тюльпанов и роголепестников.

На бархане недалеко от лагеря среди цветущих эремурусов. На заднем плане - белые саксаулы.

Поскольку Акча-Кая впадина бессточная, в центре её каждую весну скапливается вода, образуя непроходимые пространства. Ведь почва на дне глинистая. Там уж сколько транспорта утонуло.

А в 70-е годы геологи пробурили на дне впадины скважину. Вода была горько-солёная, непригодная для водопоя овец. И вдобавок горячая, 43 градуса. Как ни пытались эту скважину забить, не получилось. Когда мы были там, вода изливалась бурным фонтаном, образовав вокруг бетонного столба-заглушки небольшое озерцо. Там можно было помыться или постираться. Но учитывая

высокую температуру воды, всё это надо было делать быстро. Или на берегу в тазике.

Дети около скважины в Акча-Кая: Алёша, Аня и Катя Затока

Поскольку мы приехали на Акча-Кая на машине, а потом на самолёте собирались в город, то мотоцикл с собой не взяли. На маршруты брали детей с собой. Так как был май, и всякая нечисть типа скорпионов и сколопендр активизировалась. В целях безопасности держали детей всегда почти за руку. Но всё равно укусы были, но не у нас. Однажды ночью мы проснулись от детского крика. Это Катю укусил скорпион: ребёнок ночью сел на горшок в палатке. Этот случай мы тоже долго вспоминали. Кате в этом плане "везло", потому что это был не последний укус.

Самолетная площадка в Акча-Кая располагалась на сухом такыре в километре от лагеря. Чтобы не задерживать погрузку в самолёт, мы перетащили свои пожитки заранее и ожидали прилёта транспорта. В западинках на такыре с влажной почвой поднималась в мае шикарная зелёная трава. Ну почти как на Урале летом. Вот на этой полянке я и запечатлела детей для родственников, чтобы не думали, что у нас сплошная сушь. Только саксаул и белые склоны впадины выдавали место съёмки.

Дети в зарослях злака мортука на дне впадины Акча-Кая, май 1989

Пока летчики отдыхали, я построила детей у самолёта. Интересно, летают ли сейчас кукурузники по России?

Перед посадкой. Акча-Кая, май, 1989

Вместе весело шагать по просторам! Часть2.

24 декабря 2023.

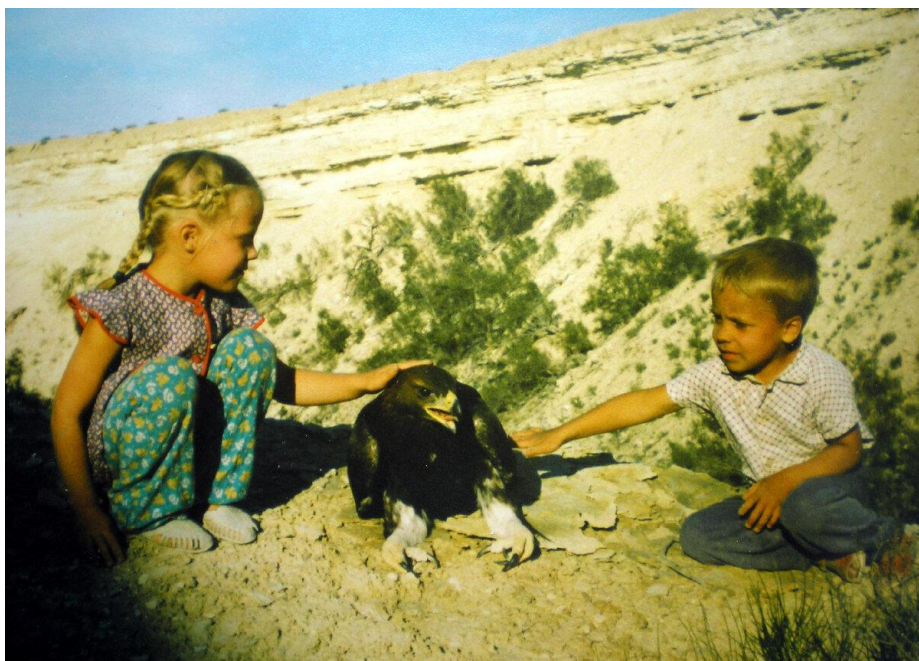
Снова Бурчи

После небольшой (в 2 дня) побывки в городе мы снова вернулись в пустыню, уже на свой родной стационар, где пробыли до начала июня.

Во второй половине мая уже очень жарко. И работать даже после 11 утра тяжело. Поэтому мы стали уезжать на площадки все вместе либо рано утром, либо вечером к заходу солнца. Мотоцикл вынес четверых. Дороги были твердыми, как асфальт, а песков в округе было немного.

И вот как-то мы все вместе оказались у провала примерно в 7 км от лагеря. Там ещё в холода Володя отметил пару беркутов, которые строили гнездо. Муж рассчитывал увидеть взрослых уже птенцов в гнезде, на грани вылета. Но гнездо оказалось пустым. Мы погоревали, но вдруг кто-то из детей заметил движение внизу провала. В бинокль Володя рассмотрел беркута, который практически ползал по земле. Он подумал, что это взрослый сломал крыло. И найдя нормальный спуск, поспешил к птице. А оказалось, это птенец, который учится летать. Значит взрослые всё ещё где-то рядом или добывают ему пропитание.

Птенец беркута совсем не испугался человека. Володя взял его в руки, чтобы осмотреть сохранность. Всё было в порядке. А дети тоже попросили подержать "птичку". Но даже маленький беркут - всё же орёл с внушительным весом и острыми когтями. Так что разрешили только погладить.

Птенцы наши. Бурчли, 1989, май

И уже традиционно в начале июня мы поехали на Сарыкамыш. Там на своём обычном месте стоял лагерь Черновых. Перед отъездом попросили Люду сфотографировать нас у вагончика. Он уже семь лет служил домом в пустыне научному отделу заповедника.

Наша семья в июне 1989. Бурчлибурун

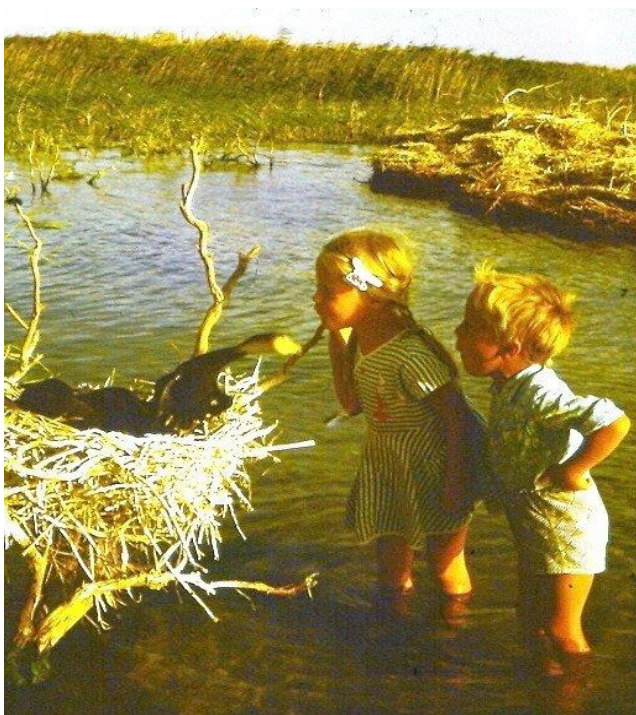
Сарыкамыш

В 1989 году мы задержались на озере две недели. В ботаническом плане Лена Чернова уже очень хорошо поработала там, так что мне лишь пришлось кое-что уточнить. А черного саксаула было совсем мало, там в основном росли кандымы, солянка Рихтера да пустынная акация. Поэтому не было возможности выделить сообщество черносаксаульников. Именно этот вид меня интересовал. Так что я активно занялась поиском птичьих гнёзд. И это у меня получалось неплохо. Особенно часто попадались гнезда индийского воробья.

Володи (мой и Чернов) ездили на лодке на острова для учета водоплавающих, кольцевали пеликанов. И один раз мы поехали на острова всей семьёй. Я никогда раньше не видела ни бакланов, ни пеликанов. Очень хотелось посмотреть и на лебедей, но не случилось. А вот среди колоний бакланов и пеликанов мы побродили. Посчитали кладки, птенцов. И конечно сделали слайды и фотографии.

Аня в колонии пеликанов среди птенцов

Кто кого перекричит? Аня и Алеша у гнезда баклана

Как жаль, что не было тогда той техники, которая доступна нам сейчас. Только мой заслуженный Зенит-Е выручал. Плёнка была в основном черно-белая. Но удавалось добыть и цветную, не только для слайдов, но и для печати. Это уже в двухтысячные муж занялся переводом в цифру слайдов и негативов. Но времени и сил хватило только на небольшую часть всего архива. А я публикую небольшую часть из цифрового хранилища.

Бутентау

Останец Бутентау не входит в охраняемую зону заповедника. Но место это очень интересно в плане гнездования хищных птиц. А ещё это пещерное поселение 13-14 вв. Недалеко от останца находились довольно хорошо сохранившиеся развалины крепости Ак-Кала.

Крепость Ак-Кала, фото автора.

Крепость Ак-Кала, фото автора.

Выезжали мы в такие ознакомительные поездки по области как правило осенью и ненадолго. На Бутентау мы были три дня в конце сентября, но повидали немало. В том числе и пещеры.

Пещеры в останце Бутнетау. Из семейного архива. Листайте!

Пещеры в останце Бутнетау. Из семейного архива.

В тот год мы не пытались залезть в пещеры на южном склоне. А вот останец объехали вокруг полностью. И Володя отметил там четыре места гнездования краснокнижного орла беркута на северной стороне останца.

Недалеко от Бутнетау проходит древнее русло Аму-Дарьи Дарьялык. Ещё в те годы по нему спускали коллекторные (солёные) воды в озеро Сарыкамыш. И это была немаленькая "река" с обширными зарослями тамарикса и черного саксаула по берегам.

Дети под черным саксаулом около Дарьялыка. 1989 г.

Шахсенем и Бурчли осенью

Осень в Туркмении длится долго. Ещё весь октябрь солнечно и сухо. Правда ночи холодноваты. Как впрочем и во всех континентальных районах. Последние десять дней октября мы выехали в заказник Шахсенем и потом на свой стационар Бурчлибурун. Целью поездки были осенний учёт животных, а у меня сбор осенне-цветущих видов флоры и оценка продуктивности растительных сообществ осенью.

Шахсенем - довольно приличное поселение овцеводов. Заповедник построил там кордон и даже

установил ветряк для производства электричества. Недалеко от посёлка сохранилась крепость. На её валах гнезился беркут.

Шахсенем, ветряк заповедника. Вдалеке видна крепость.

Герпетолог Андрей Затока любил этот кордон, потому что там обитало много его объектов. В том числе кобра. Как заядлый эколог, он пытался привить любовь к змеям и у местного населения. Даже добился каких-то результатов. Жители Шахсенема после просвещенческой деятельности Андрея знали и уважали заповедник. Поэтому на кордоне нас встречали гостеприимно. И даже позволяли

пообщаться с местными пастушьими собаками: алабаями. Они хоть огромные, но совершенно доверчивые, особенно к детям.

Наши дети в Шахсенеме с алабаем ранним утром. Октябрь, 1989

Для учётов надо было вставать засветло. Детей будили рано, одевали потеплее и выезжали в путь. Зато на стационаре можно было поспать подольше, дождаться, когда согреется воздух и песок, а потом уже идти на мои учетные площадки. Я осенью всегда брала детей с собой, так как мужчины

были заняты учётами и уезжали далеко от лагеря почти на весь день. Пока я работала, Аня и Алёша в поле зрения проводили время либо в "большой песочнице", либо "сооружали дом" под чинком или в овраге.

"Песочница" на Бурчли. Октябрь, 1989

Россыпи камней под чинком - место игр.

К ноябрю мы заканчивали выезды в пустыню с детьми. Да и зимой учеты чаще проводились с самолета, чем на автомобильных маршрутах. С ноября по март собранный в природе материал обрабатывался нами. Научный отдел печатали очередной том Летописи Природы. А дети в эти месяцы ходили в садик, начиналась пора простуд, соплей и больничных. Правда больничные я никогда не оформляла, так как работать можно было и дома. Удалёнка, как сказали бы сейчас, у нас только приветствовалась. Новую контору заповедника построили за городом, а научные сотрудники все жили в Ташаузе. Водить каждый день на автобусе людей было накладно. Часто не было бензина, и ПАЗик старенький ломался... Так что основная часть отчетов печаталась в городе уже на трёх квартирах, в которых обитали мы и наши коллеги к 1989 году.

Коварство пустыни.

24 сентября

В [предыдущей статье](#) я затронула тему безопасности наших полевых работ в пустыне. Научные сотрудники уезжали на несколько месяцев в весенний сезон. Но работали на голом энтузиазме без всякой подстраховки и соблюдения техники безопасности. Наверняка она существовала и была прописана в инструкциях Минприроды СССР. Но наш заповедник принадлежал Минприроды Туркмении. С вытекающими из этого обстоятельствами. Руководство заповедника совершенно не понимало, зачем мы едем в пустыню. Ведь зарплату можно получать, находясь на усадьбе в городе. И лесников, которые неделю раз в месяц проводили в пустыне на кордоне, "охраняя" границы заповедника, откровенно считали неудачниками. А те непременно ждали повышения статуса, чтобы прекратить поездки из дома в полевой домик. Хотя условия там были вполне приличные, вода всегда рядом (огромный сардоб Едихауз) и чабаны с мясом.

Черный саксаул на песках в Капланкырском заповеднике

Отсутствие средств связи чуть не вылилось в катастрофу. И случилось это в начале мая 1984 года. На озере Сарыкамыш тогда была организована ещё одна точка. Володя Чернов занимался численностью животных, но в основном водной орнитофауной. А Лена Чернова, как ботаник, занималась фенологией, флористическим составом и продуктивностью растительных сообществ.

На стационаре Бурчлибурун в тот год было трое: Володя, Сергей и Людмила. Два орнитолога и энтомолог. И вот всем составом они поехали к озеру с целью учета воробьиных и хищных птиц и насекомых. Договорились, что к озеру пассажира везёт Володя, а обратно - Сергей. Выехали утром, днём поработали, переночевали у Черновых,. А следующим утром пустились в обратный путь. С этого момента я выложу рассказ от первого лица. Рассказ моего мужа, попавшего в нешуточную переделку.

"В ту сторону мы дороги не знали, страховали друг друга, ожидали, проверяли, всё ли в порядке. Но путь прошёл гладко. 110 км пути проехали без приключений, если не считать падений на подъёмах через песчаные гряды. Но я уже знал это, пассажиру приходилось спешиваться и подниматься самому. Но часа через три мы всё же добрались до Черновых.

На следующее утро Серёга жаловался на свою спину. Но всё равно поехал обратно с пассажиром, как и договаривались. Он ехал впереди, я сзади. Но поскольку он посчитал, что дорога уже знакомая, то и не дожидался меня. А примерно в сорока километрах от озера у меня мотоцикл сломался. Я думал,

что сейчас быстренько разберусь, отремонтирую и поеду дальше. На дорогу у меня была припасена пол-литровая фляжка воды, а еды не было никакой. Я провозился с мотоциклом до вечера. Было жарко, я пил воду. И когда понял, что с поломкой мне в полевых условиях не справиться, то обнаружил, что во фляжке всего 150-200 мл осталось. Но надо было выбирать. Местность пустынная, ждать проезжих машин бесполезно, надо идти. Я спрятал мотоцикл метрах в ста от дороги, закидал его ветками саксаула, привязал на кусты метки, чтобы потом на машине забрать.

Надо было решать, куда идти. До озера 40 км, до Бурчлибурун и нашего вагончика 70 км. Если Серёга со своей больной спиной поедет меня искать, то лучше пойти ему на встречу. И потом, если я уйду к Черновым, то застряну там недели на две, до приезда машины. Вся моя работа и учёты останутся, а проще - пропадут. Решил идти на наш стационар. Начал свой путь уже в сумерках. И шёл всю ночь. Сначала светила луна и следы от мотоцикла, который проехал утром, было хорошо видно. Но потом стало темно. Да так, что приходилось подсвечивать дорогу фонариком. Был у меня в рюкзаке динамо-фонарик, чтобы он светил, надо всё время нажимать на металлический рычаг. Свет такой агрегат даёт слабый, поэтому рассмотреть следы можно было только наклонившись на землём. Часть пути так и пришлось идти. Там, где дорога выходила на равнину и отсутствовали приметные колеи.

Шёл я до десяти утра не останавливаясь, даже не присел, чтобы отдохнуть. Иначе бы уснул. Но идти по пустыне можно было только ночью. Когда солнце поднялось, я нашёл хорошие заросли саксаула, накидал ещё сверху веток, чтобы была какая-то тень. А поскольку воды во фляжке было уже на несколько глотков, стал добывать воду, как читал в умных книжках. На случай дождя в рюкзаке был полиэтилен. Я большим ножом вырыл яму глубиной около 50 см и размерами метр на полтора. После слоя сухого песка внизу после примерно 20 см был влажный слой. Накидал ещё веток саксаула в яму, в центр поставил стаканчик пластиковый (крышку от фляжки), всё закрыл полиэтиленом. Придавил его по краям песком и в центр положил коряжку так, чтобы вода стекала в стакан. Ещё были у меня три полиэтиленовых пакета. Я надел их на густые ветки саксаула, завязал и наклонил так, чтобы вода скапливалась в пакете. После всего этого лёг спать. Примерно в два часа дня я проснулся от невероятной жары и жажды.

В стаканчик с полиэтилена накапало примерно 20 мл, столько же удалось слить с мешочков. Выпил эту воду и стал ждать, когда солнце спустится к горизонту. Около пяти вечера я всё же пошёл дальше. Уже хотелось не только пить, но и есть. По пути я нашёл гнездо саксаульной сойки. Там была свежая кладка. Но я оставил яйца. Не мог разорить гнездо. А потом ещё раскопал и зарисовал гнездо каменки плясуньи. Хотя конечно силы надо было экономить. Но мозги пока работали, как у орнитолога-профессионала, а не как у зомби.

Может быть надежду в скорое окончание пути давал силуэт останца Бурчлибурун на горизонте. Его я увидел ещё засветло. После него - всего 6 км до вагончика. Но до этого поворота ещё надо добраться. Стемнело быстро, и началась вторая ночь моего пути. Последние километры проходили по глинистой местности, с глубокими колеями. Но я шёл не по ним, а по горбам между ними. Силы уже оставили, кружилась голова. Я думал, что если уж я упаду, то надо упасть сверху, а не в колее, потому что проезжающая машина в колее меня точно не увидит.

Взошла луна, я повернул уже на свой участок, где проводил учёты. Взлетали слева и справа авдотки. В мыслях промелькнуло: надо бы сюда вернуться, надо запомнить место... И тут мне показалось, что слева и справа от меня движутся по две тени. То ли это были отсветы луны, то ли уже галлюцинации. Я не ел уже двое суток. Да можно сказать, что и не пил. Стоит ли считать питьём 550 мл воды за двое

суток при почти нулевой влажности. Добрался я до вагончика в два часа ночи. Получается что прошёл 70 км (по карте) за 25 ночных и сумеречных часов.

Потом я восстанавливался три дня. Совсем не было сил работать. "

Володя долго не рассказывал мне подробности этого путешествия. Только наверно спустя полгода, когда вспоминал тех птиц, которых видел по дороге. Но в каких обстоятельствах! До этого в апреле мы благополучно проехали с ним примерно 100 км до ближайшей метеостанции, чтобы посадить меня на самолёт и отправить в город. Но тогда и жары не было особой, и дожди были. А вот май в пустыне уже очень жаркий месяц. Только молодой организм и крепкое здоровье позволили преодолеть мужу дорогу в 70 км в это время.

Двое в пустыне не считая мотоцикла

10 сентября

Работа научных сотрудников в полевых условиях должна отвечать технике безопасности, как и всякий труд на производстве. Потому что дикая природа она и есть дикая, очень далеко от населенных пунктов и со всеми неожиданностями, от погодных условий до встречи с опасными животными. Конечно, нас должны были обеспечить и рацией, и проходным транспортом, чтобы в случае беды, мы могли получить первую помощь. Но работали-то мы в беднейшей республике СССР, где бедность тесно переплеталась с феодальными замашками. И если на заповедник выделялась из бюджета какая-то техника, то она перво-наперво оседала в хозяйстве башлыка. А уж что оставалось, или приходило в негодность, доставалось научному отделу. Так и жили.

Надеялись лишь на собственные силы. Ребята, Володя и Сергей, после двух полевых сезонов купили на свои деньги мотоциклы "Восход-3М". И вот весной 1984 года эта техника уехала с ними в пустыню. Брали запас бензина. Но лётчики, которые прилетали на заказных самолётах (на учёты животных), всегда щедро делились топливом из бензобаков своих АН-2.

Муж рядом с мотоциклом. В руках у него лопатка для работы.: в пустыне много птиц с гнездами в норах

Я в этот сезон оставалась в городе с полугодовалой дочкой. И только в апреле, когда приехала моя мама, смогла улететь на несколько дней на стационар на самолёте. А вот обратно по плану самолёт не прибыл. То ли погода (а был дождь) была виновата, то ли безалаберность нашего руководства, которое не проконтролировало отправку самолёта. А ведь он должен был прибыть с почтой, хлебом и со свежими продуктами. В общем, сложилась непредвиденная ситуация. Мне надо быть в городе, потому что у мамы билет на самолёт в Свердловск, а я - в пустыне. Ничего не оставалось, как ехать через пески на базу к противочумникам. У них-то самолёты курсировали каждый день.

Мы дружили с сотрудниками Ташаузской противочумной станции. Созданная в незапамятные времена, организация эта имела очень хорошую техническую базу и щедро финансировалась из бюджета. Чума не должна была существовать в СССР. И каждый год зоологи с противочумки отлавливали грызунов по всей области в поисках заразы. Ставили прививки чабанам. И даже мы как-то в первый год знакомства сделали себе прививки против чумы. Но тогда прогнозировалась вспышка

численности грызунов, и нам просто настоятельно посоветовали.

Пустыня щебнистая. По такой было легко передвигаться на мотоцикле. Именно тут мы устроили и аэропорт Бурчибурун

Так вот, не дождавшись обратного самолёта в город ни до обеда, ни после обеда, мы решили с мужем выезжать на мотоцикле в посёлок метеорологов Екедже. Именно там неподалёку и стояли в этом году противочумники. Напрямую через пески - 70 км, а по дорогом чуть более 100 км. Мы посчитали, что до темноты приедем в лагерь друзей и переночуем там. А утром должен быть по расписанию самолёт, который и доставит меня в город.

Одно мы не учли. Мотоцикл был новый, не обьезженный. У него стояла игла, которая ограничивала мощность. И убрать это ограничение можно было только после 2000 км. Но пробега такого ещё не было. На глинистых и щебнистых дорогам, которые окружали наш стационар, мотоцикл бегал очень резво. А вот пески, особенно подъёмы на бугры, преодолеть не мог. Муж заезжал наверх только на

скорости, а мне приходилось спешиваться и идти в горку на своих двоих. Хорошо, что основная часть пути всё же лежала по глине и такие наносы песка встречались не часто. И всё же это увеличило время в пути.

В то время ни о каком навигаторе не было и речи. Только хорошая память помогала водителям вездеходов не заблудиться в пустыне. Ориентирами служили сардобы и хаки с водой, колодцы, стоянки чабанов и даже кордон наших лесников заповедника. Местечко это называлось Едихауз. До Едихауза мы доехали без проблем. Но вот там было столько накатанных следов машин, что трудно было сориентироваться, куда же ехать. У нас была только схема и компас. Солнце из-за пасмурной погоды отсутствовало явно, а только угадывалось. И мы поехали по схеме на север. Пару лет назад ещё в самую первую поездку по пустыне, мы были у метеорологов, Виктора и Нади. Познакомились тогда, посмотрели их хозяйство, обменялись адресами. Они были не против сообщать нам данные о погоде, пока мы сами не организуем сбор метеоданных на своём стационаре. Ехали мы правильно, и уже в сумерках прибыли к огромному красному останцу, который был неподалёку от метеостанции. Но в пустыне темнеет быстро. И в темноте ехать по пескам совсем не хотелось. А метеостанция Екедже как раз располагалась в самых настоящих Северных Каракумах. Мы решили ночевать в саксауловой рощице. Спальники и спички у нас были. Развели костерок, согрели чай, чего там съели и стали устраиваться спать. Слух у мужа всегда был отличный. И он в вечерней тишине слышал неподалёку брнчание посуды, человеческие голоса и другие звуки обитаемого жилища. Мы тогда решили, что это - на метеостанции или чабаны где-то неподалёку. Утром конечно же всё отыщем.

Пески в нашем районе, оконечность Северных Каракумов

Только стали закрывать глаза, как небо осветилось огромным белым шаром. Шар этот стал расширяться, образуя яркое белое кольцо. Кольцо увеличивалось в размерах, вскоре занимало уже полнеба. И яркость не уменьшалась, было светло, как днём. Первым делом на ум пришла мысль об инопланетянах, потом о каком-то испытании оружия. Но когда минут через двадцать всё пропало на небе, мы решили, что завтра всё узнаем. Либо у чумников, либо из газет. На самом деле, как потом выяснилось, это был запуск космического корабля с Байконура. Но мне было очень не по себе...

Спать в апреле в пустыне на мокром песке было холодно. Поэтому мы скорее дремали и с нетерпением ждали рассвета. Как только стало что-то видно, мы поехали. Наткнулись на хорошие

свежие следы от мотоцикла и по ним приехали на метеостанцию. Это оказывается Надя с утра пораньше проверяла силки на зайцев. На нашу удачу накрапывал дождик, смочил песок на барханах, что облегчало движение маломощному мотоциклу "Восход". А у Нади, невысокой, но плотно сложенной женщины лет тридцати, была "Ява". Вот на этой крутой "Яве" пассажиром я и была доставлена в лагерь противочумников. Оказывается, ночью мы как раз их и слышали. Лагерь был за бугром всего в двух километрах от нашей ночёвки.

Володя дождался самолёта, посадил меня и отправился обратно. И я две недели была в неведении, как он доехал. Очередным самолётом он передал мне весточку. Всё тогда закончилось хорошо. Мы были молоды и очень уверены в своих силах и знаниях. И как мы обходились без средств связи, сейчас остается только удивляться. Видно случай и господь берёт нас.

Этот, 1984 год был богат на приключения. О другом, более драматичном, я поведаю в другом рассказе.

Пещеры в пустыне: хранители жизни и истории

12 ноября 2023

Невозможное возможно

Для многих пустыня представляется бескрайним безжизненным пространством, заполненным песком. Но на самом деле пустыни не одинаковы. Их объединяет исключительно малое количество осадков, в результате чего жизнь ограничена и активизируется после сезонных дождей или таяния снега. А почвы - они хоть и бедные, но самые разнообразные.

Мы работали больше в глинистых пустынях Южного Устюрта. И этот район богат карстовыми образованиями. Периодически на Устюрт приезжают спелеологи, но до конца весь его карст до сих пор не изучен.

Карстовый район на Южном Устюрте. В 8 км от нашего лагеря

Для образования карстовых процессов нужны определенные условия. Но на Устюрте их нет. А есть в принципе некарстующиеся мягкие известняки, отсутствие водных потоков и очень сухой климат.

Да, Устюрт на всей его площади — пустыня. И очень сухая пустыня. Но весной и осенью на плато есть несколько часов, когда выпадают обильные грозовые осадки. Да, эта вода практически мгновенно проходит сквозь рыхлые породы неогена, не задерживаясь на поверхности, но плотность ее потока такова, что этих часов хватает, чтобы смыть результаты годовой работы ветровой и химической эрозии в полостях.

Такие выводы сделали спелеологи Казахстана, обследовавших карст на своём Устюрте (2012 г.). А мы работали пораньше и поюжнее.

Район нашего стационара с 1981 по 1997 гг. Сверху темным цветом обозначено озеро Сарыкамыш

И мы не раз были свидетелями этих страшных кратковременных ливней и бурных потоков. Вода стекала с огромных площадей плато в овраги и провалы и уходила под землю на глубину 30-40 метров.

Там, где был наш стационар, неподалёку имелось древнее кладбище 13-14 вв. н.э. А низина между чинками(обрывами) была тогда местом земледелия, о чём свидетельствовала сохранившаяся система орошения.

Древнее кладбище около нашего стационара. Фото из семейного архива

Так что нам до сих непонятно, образовались полости в известняках нашего района, когда там текла река Амударья (а она сменила несколько русел за свою историю). То ли это процессы выветривания и вымывания.

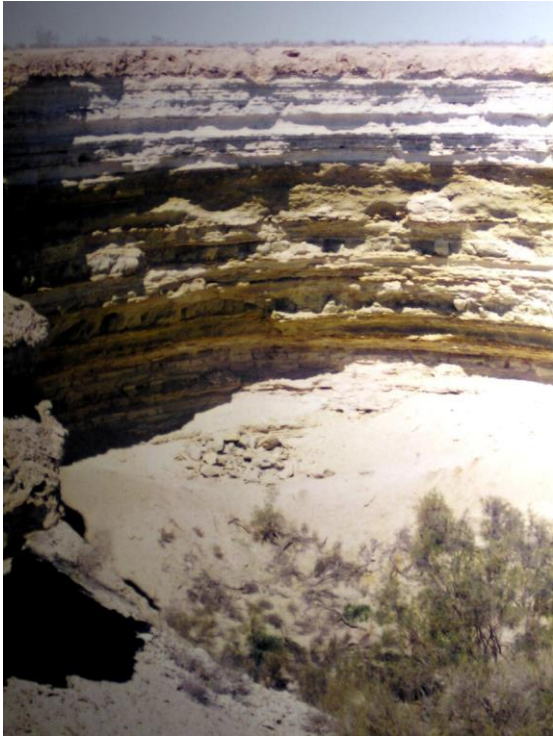
Тем не менее карстовые образования мы находили постоянно. И они часто преподносили нам сюрпризы в виде гнёзд хищных птиц на обрывах и островков интересной растительности на дне. Карст был у нас в виде пещер с входом на склоне обрыва или оврага и в виде провалов и воронок. По всей вероятности это были бывшие пещеры с обвалившейся "крышей".

Наши провалы

Одним из первых провалов была "Волчья яма", название получившая из-за логова волка, которое обнаружили там ребята. Провал глубиной чуть более 40 метров с водой на дне находился прямо у автомобильной дороги. Иногда сюда пригоняли на водопой овец и качали воду наверх, чтобы напоить отару. Но вода была солёная и горькая. Когда у нас были проблемы с пресной водой в первые годы работы, мы пытались этой водой помыться и постирать одежду. Мыло мгновенно сворачивалось в хлопья. И даже стиральный порошок плохо помогал сделать одежду чистой.

Но сюда приходили на водопой архары. Как-то мы нашли там парочку крякв. Видно заблудились на пролёте и плавали на водной глади размеров всего-то 20 на 30 метров.

Ещё у нас была "Беркутиная яма". Это глубокий провал, около 20 метров, но не широкий, почти круглый диаметром около 50 метров. Там на обрыве время от времени гнездились беркуты. А в его гнезде - индийские воробьи. И по стенкам провала сооружали свои гнёзда стрижи. На дне ямы рос тамарикс, что говорило о близком залегании грунтовых вод.

Беркутиная яма. На дне видны Тамарикс и ярко-зелёный мягкоплодник

И вода была! Она была в пещере неподалёку от провала, вход в которую ребята всё же нашли.

Под старинным кладбищем располагался провал, окончанием которого была пещера. Но и сам провал был замечателен тем, что был доступен для обследования. На обрывах карста длиной 400 метров, шириной 150 и глубиной 10-15 метров в нишах постоянно гнездилась пара филинов. И место было у них настолько удачное для наблюдений орнитологов, что этот провал назвали "Филинья яма". Гнёзда располагались как правило под верхними выступающими плитами. И к ним можно было забраться снизу и наблюдать за кладкой и вылупившимися птенцами.

Гнездо филина в Филиньем провале

Когда у нас появился транспорт (мотоцикл, а потом автомобиль), мы отъезжали от стационара

на 40-70 километров и нашли десятки карстовых провалов на южной оконечности плато Устюрт. Они были либо круглой либо овальной формы, глубиной от 20 до 40 метров и диаметром от 30 до 100 метров. В какие-то можно было спуститься, а некоторые были недоступны из-за резких обрывов.

Часто наличие воды помогли распознать растения. Это тамарикс, тростник и редкий краснокнижный ягодный кустарник мягкоплодник критмолистный.

Кусты мягкоплодника на Устюрте не выше 40 см, но диаметр может достигать двух метров

Провалов с таким набором видов на дне было немало. Недаром оконечность Южного Устюрта - убежище архаров из-за наличия водопоев. Следы их, да и самих баранов мы видели постоянно. То отдельные пары, а иногда и целые стада с приплодом. Для этого краснокнижного вида стадо в 20-30 голов - уже хорошо.

Карстовые образования находились не только на плато, но и под обрывами Устюрта. Это были галереи низких (до 3 метров высотой) полостей гораздо скромнее, чем наверху. Но они соединялись между

собой проходами, образуя разветвлённую сеть мелких пещер. В некоторых пещерах крыша обвалилась. И это позволяло проникнуть вниз и обследовать лабиринты.

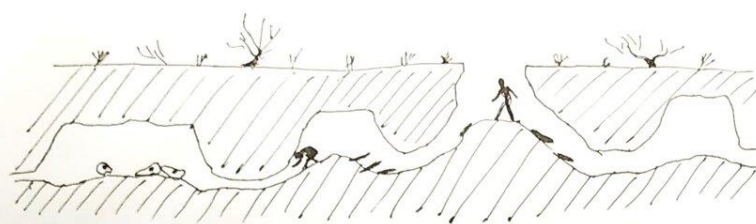

Рис. 1 Система карстовых пещер, вид в разрезе.

- ⊙ — место нахождения черепа человека
- ⊖ — черепа лошадей
- — иглы дикобразов

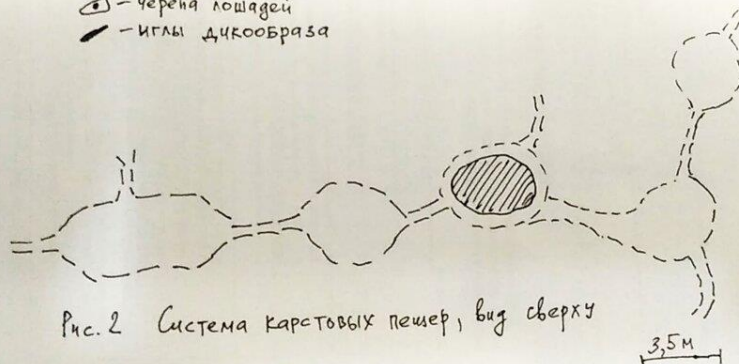
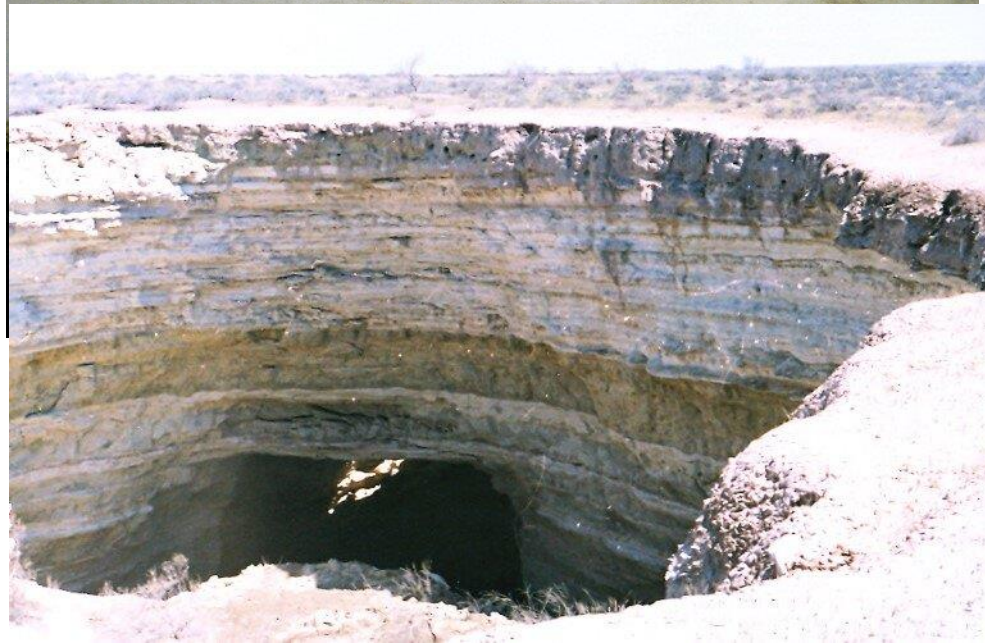

Рис. 2 Система карстовых пещер, вид сверху

Рисунок мужа, исследователя пещер под чинками Устюрта.

Провал соединяется проходом с другим провалом

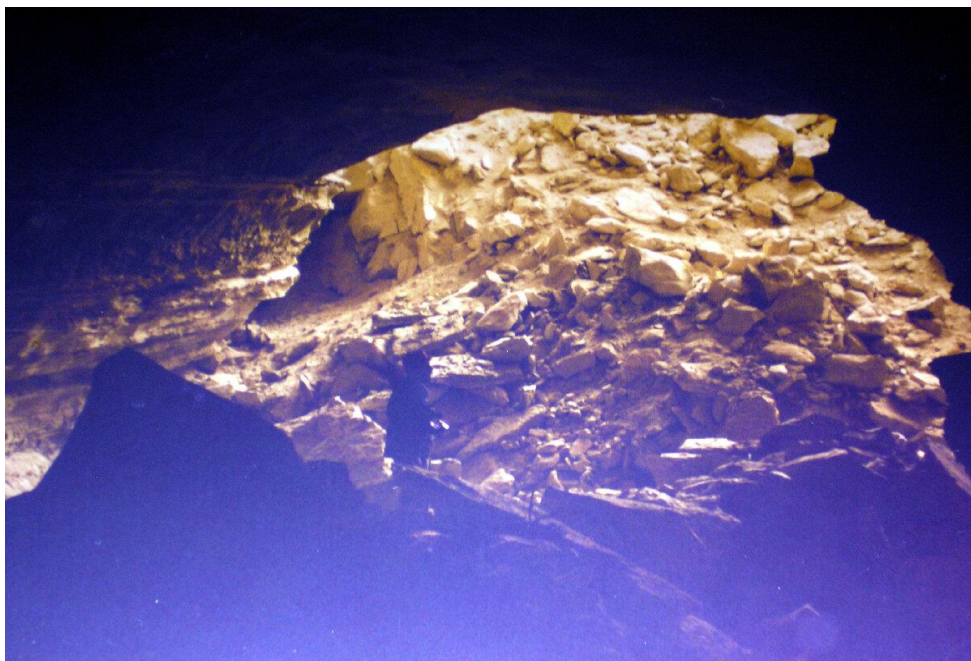
Мы нашли там иглы дикообраза, хотя ни разу не видели его живьём. А в дальнем зале Володя нашёл уже побелевший человеческий череп а рядом два черепа лошади. То ли пастух, то ли басмач, то ли путник, заблудившийся по дороге к Каспийскому морю или обратно в Ташаузский оазис. А может это кто-то из племени Джан, о котором писал в своей повести Андрей Платонов ("Джан", 1934)...

Наши пещеры

Под старинным кладбищем находилась самая настоящая пещера глубиной более 100 метров, шириной 30-50 метров и сводом выше 15 метров. В глубине и темноте имелось место отдыха волка.

Волчья пещера. Вход.

Выход из пещеры

Но видели его там всего раз. Это была вполне доступная пещера. Там было прохладно, и кто знал, вполне могли переждать дневную жару при переездах. Потому что и кладбище, и пещера находились рядом с автомобильной дорогой. Правда грузовики (с верблюдами или с бахчевыми) проходили по ней от силы раз в месяц.

Вторую пещеру в районе стационара ребята нашли по следам архаров. Горные бараны и другие животные спускались на водопой, хотя вход был достаточно узкий и мало заметный, а спуск - очень крутой. Освещенность в пещере была почти на нуле. Когда к нам приезжали спелеологи, то они помогли со своим оборудованием исследовать этот объект.

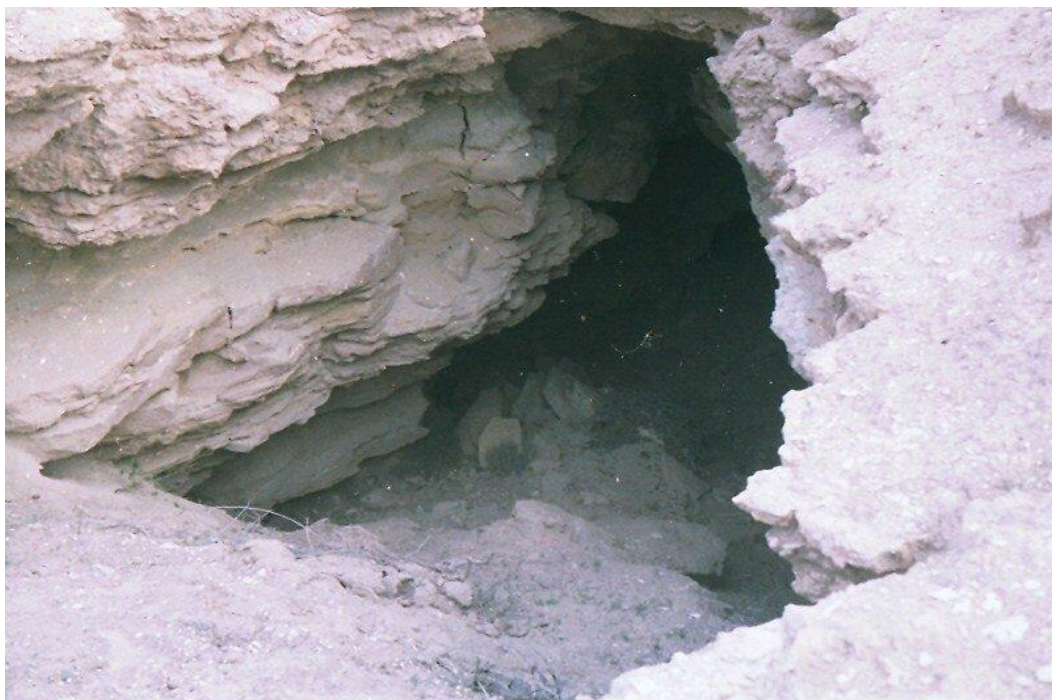
Вот рассказ мужа, который спускался в эту пещеру со спелеологами.

"Спуск был очень крутой. И когда мы с Сергеем нашли эту пещеру, то не рискнули спускаться. Но когда появились спелеологи, у них было специальное оборудование: верёвки. И по веревкам мы стали спускаться. Спуск был примерно метров 50 вниз под уклоном порядка 45-50 градусов. На камнях и глине были многочисленные следы от копыт и когтей диких животных. Примерно в 50-60 метрах от входа тоннель 5*5метров стал расширяться, спуск стал более пологим. Мы вошли в огромный зал высотой больше 20 метров и длиной около 100 метров.

По центру зала была осыпь камней, а по краям стояла вода. Вода была такая прозрачная, что мы не заметив вступили в неё. Примерно на половине зала осыпь закончилась, и дальше шла гладь озера. У спелеологов был надувной матрас. На нём один из них сплавал до конца галереи, метров 20-30. Вода была абсолютно прозрачная и в свете фонаря было видно, что дно уходит вниз в виде сифона далеко вглубь. Спелеологи сказали, что необходимо подводное оборудование, чтобы посмотреть, куда уходит сифон. Но такого не было у них. Поэтому куда ведёт сифон, осталось загадкой.

В завершении посещения этой пещеры мы как первооткрыватели оставили бутылку с запиской и перечислением фамилий всех спустившихся. Бутылку оставили в центре зала на вершине осыпи, соорудив там предварительно тур из камней"

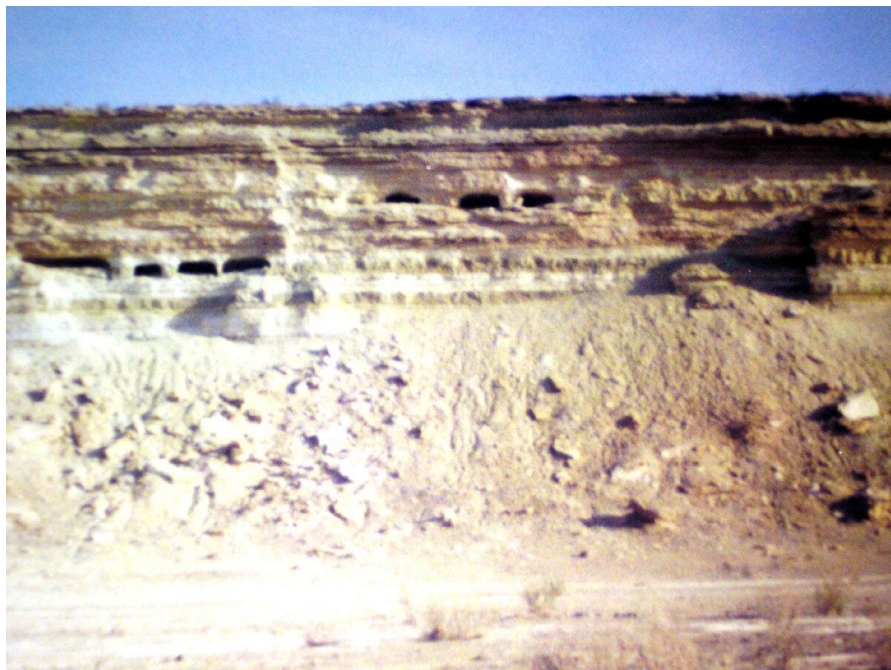
Надо отметить, что камни над входом в эту пещеру были покрыты зелёным мхом. Видимо это и есть признак водоёма в пустыне. Точно такой же вход в пещеру ребята обнаружили в 70 км севернее нашего стационара. К входу вела натоптанная тропка. Но спуск опять был очень крутым, а они не обладали навыками и оборудованием спелеологов. Оставалось лишь констатировать факт, что места водоёмов в районе заповедника имеются, и доступны для архаров, которые тогда охранялись в Туркмении.

Вход в пещеру "Ёлкинскую". Небольшая сухая пещера около лагеря, которую заметил научный сотрудник из Алма-Аты с фамилией Ёлкин, прилетавший к нам в 1982 году. Фото из семейного архива

В осеннее время мы обследовали природу всей Ташаузской области, потому что нас конечно же интересовали чинки (обрывы), как места гнездования редких хищных птиц. Так мы попали на

останец Бутентау в северо-восточной части исследуемого района. И там увидели уже рукотворные пещеры. Жилища древнего туркменского племени были выдолблены в 40 метровом чинке на высоте примерно 20-30 метров от земли.

Пещеры-жилища в чинке Бутентау.

В настоящее время склоны кое-где осыпались, и в пещеры можно забраться. А вот в те давние времена скорее всего использовали лестницы. В южных регионах пещерные города - не редкость. Например, в Крыму их только девять. Интересен сам факт использования природных укреплений для жизни человека в таких далёких друг от друга местах.

Именно такие пещеры в историческом плане интересовали спелеологов-археологов из Подмосковья, которые приезжали к нам в далёком 1982 году. Больше на нашей памяти спелеологов в заповеднике не было. Поэтому такой интересный в геоморфологическом плане район остается очень малоизученным. Тем более, что карстовые процессы всё ещё продолжаются.

Сокол балобан, арабские шейхи и мы меж ними

5 ноября 2023.

Проблема охраны видов растений и животных, которые традиционно используются в быту коренного населения и стремительно сокращаются в численности, стоит повсюду. В нашей местности таковыми были черный саксаул и хищные птицы.

Сокол балобан издревле был охотничьей птицей в Азии. Кто умел и знал, как использовать его на охоте, с любовью и бережно относились к поголовью балобана в Туркмении. Только соколиная охота

в конце прошлого века переросла в престижное и коммерческое занятие. И птиц нещадно эксплуатировали, их требовалось всё больше и больше, чтобы удовлетворить амбиции арабских толстосумов. Дошло до того, что в пустынях Юго-западной и Передней Азии балобан почти исчез.

Балобан, слётки около нашего стационара, май 1987

У нас же в Северной Туркмении (Центральная Азия) балобан ещё гнезился. Так как было достаточно подходящих мест для гнёзд и пищи. А пищей служили чаще желтые суслики и птицы. Мой муж за годы работы (1981-1994) отыскал много гнёзд и гнездовых участков балобана. И это было интересным научным событием. Потому что в России все сокола давно уже были под охраной государства из-за снижения их численности и угрозы исчезновения. Эта ситуация послужила толчком к созданию нескольких питомников соколиных. Питомники должны были поддерживать численность балобана и сокола сапсана в регионах.

Балобан, слётток. Листайте!

Но несмотря на то, что материал по балобану был собран большой и интересный, он до сих пор лежит в архивах. Потому что публикация про находки редкой птицы без подтверждения картографическим материалом не считается научной. Но попробуй опубликовать карты! И в Туркмении, и в соседних республиках быстренько найдутся браконьеры, ловцы соколов. В те годы такой промысел был незаконный, но очень прибыльный. Поэтому муж до сих пор не опубликовал карты гнездовых участков балобана в Северной Туркмении, а статьи о птице писал лишь популярные.

Пока мы работали в заповеднике и выезжали на его территорию, браконьеры не осмеливались производить отлов балобана. Но в 1992 г. Туркменистан стал независимым, и мы были вынуждены покинуть страну в 1994, и тогда начался беспредел. Арабы ещё в восьмидесятые стали навещать соседний Узбекистан. Они там устраивали соколиные охоты на джека (дрофа) и на джейранов, давно уже внесенных в Красные Книги среднеазиатских республик. Всё это было с высокого разрешения руководства республики и Минприроды Узбекистана.

И в октябре 1994 года по приглашению Ниязова, президента Туркменистана, в страну из Эмиратов приехали три группы ловцов балобана. Одна численностью из трёх человек промышляла в Ташаузской области, правда вне границ заповедника. Местные ведь тоже знают, где есть гнёзда хищных птиц. Хищные птицы - большие, их трудно не заметить. А чабаны постоянно наблюдают, что вокруг. А этим арабам ещё и помогал зам. директора нашего Капланкырского заповедника по научной работе Джабы Аразов. Он владел информацией о гнездовых участках, так как Летопись природы хранилась в библиотеке заповедника. А там были все отчеты по численности и распространению птиц.

В местах гнездования ловцы расставляли сети с приманкой из живых голубей. И сидели в засаде по 10 часов с перерывом на обед. Примерно за месяц были пойманы пять птиц. Одну выпустили как мелкую. Остальные уехали в Эмираты. Джабы заплатили 300 долларов США.

Характерные места гнездования балобана в Северной Туркмении.

Как непроста была судьба балобанов в Средней Азии, Казахстане и Туве, можно посмотреть по тем подборкам периодической печати, которые муж собирал в девяностые. Речь идёт о десятках соколов. А сколько фактов не выявлено...

В 1995 и в 1997 году мы ещё сделали по одному весеннему выезду в Заповедник. Уже в 1995 году балобанов в прежних местах гнездования отмечено не было.

Последний раз муж приезжал в Туркмению в 1998 году. Его не пустили даже на территорию заповедника. Несмотря на то, что вряд ли он мог чему-то навредить, ведь сколько лет был орнитологом заповедника и заместителем по науке. Видно было что скрывать...

Задержаны пьяные соколы. Но не Жириновского

В омском аэропорту милиция задержала группу иностранцев, которые пытались вывезти в Объединенные Арабские Эмираты ящики с упрямыми в них соколами-балабанами.

Задержанные – граждане Сирии, Судана, Марокко. Похоже, это был не первый их визит в Россию за птицами. Соколов они ловили в Хакасии, Туве и продавали в своих жарких странах по 100 – 200 тысяч долларов. На этот раз милиция извлекла из ящика 47 птиц. Их сдали в зоопарк, а против контрабандистов возбудили уголовное дело. Как рассказывают блюстители порядка, в нынешний раз похитители обошлись с соколами еще по-божески. Бывали случаи, когда контрабандисты прятали птиц под одеждой. А чтобы балабаны помалкивали, преступники поили их в стельку.

Так выглядит трезвый балабан.

Эвелина АЗАЕВА.

Омск.

БОГАТЫЕ АРАБЫ СКОРО ОСТАВЯТ РОССИЮ БЕЗ СОКОЛОВ

Массовым становится вывоз из России соколов-балобанов, которых используют в арабских странах для охоты. Только за последний месяц на российских таможнях была задержана едва ли не сотня (!) этих редких красивых птиц. Столь резкий всплеск живой контрабанды связан в первую очередь с началом сезона охоты в арабских странах, которое приходится на начало сентября.

Как сообщили "МК" в Таможенном комитете России, последние два задержания случились не далее как в понедельник. Одно из них произошло на Омской таможне Западно-сибирского таможенного управления. Здесь в ходе досмотра рейса в Дубай у двух граждан Сирии было изъято 10 соколов-охотников.

Другое было в Новосибирске. Сотрудниками УВД совместно с УОП и местным таможенным управлением задержана целая преступная группировка, состоящая из 18 человек, которая занималась контрабандным вывозом соколов-балобанов в ближневосточные государства. Среди членов группировки оказались граждане Сирии, Арабских Эмиратов, а также диспетчер авиакомпании "Сибирь". Контрабандисты пытались вывезти из России в Шарджу 47 (!) соколов-балобанов, общая стоимость которых оценивается в 1 миллион долларов. Сейчас на контрабандистов заведено уголовное дело.

Проводится дополнительная проверка.

До этого балобанов обнаруживали еще дважды. 27 августа на Тувинской таможне Восточносибирского таможенного управления было конфисковано у двух граждан России и сирийца 12 соколов. Перевозчики птиц вылетали в Сирию из аэропорта Кызыла.

А 29 июля на Толмачевской таможне Западносибирского таможенного управления у россиянина и сирийца, вылетавших в Сирию, была обнаружена партия, состоящая из 22 соколов-балобанов.

Экологи прогнозируют дальнейшее увеличение потока нелегального вывоза из страны через Сибирь соколов-балобанов, которые внесены в Красную книгу России. После того как усилиями контрабандистов популяция балобанов в Казахстане практически сведена к нулю, они стали заниматься отловом этих птиц в Алтайском крае.

Птиц, по счастью, вывозят крайне бережно. Обычно их прячут в чемоданах или коробках с просверленными в стенках отверстиями для поступления воздуха. Чтобы соколы вели себя смирно, на них надевают черные колпачки. В арабских же странах отношение к соколам, если те неожиданно оказываются плохими охотниками, крайне жестокое — их просто выбраковывают и, несмотря на цену в несколько тысяч долларов за особь, убивают.

Москваский коллекционер

№ 67 от 5.09.97

У кого-то сорвалась соколиная охота

Виктория АВЕРБУХ,
журналист

В международном аэропорту «Шереметьево-2» неизвестными был брошен чемодан с восемью соколами-балобанами. Вероятно, хозяева груза испугались таможенного досмотра.

Сокол-балобан — исчезающий вид, занесенный в «Красную книгу», и в России его отлов и продажа запрещены.

Балобан считается одной из лучших охотничьих птиц и стоит очень дорого. Охотиться с ними — такое же элитарное занятие, как травить зайца борзыми собаками.

Приручение соколов происходит древним способом — им зашивают глаза конским волосом и спеленьвают черной тканью. Зачастую контрабандисты используют вместо волоса обычную нитку, от чего происходит нагноение. Известны случаи, когда веки соколов были заклеены клеем типа «Момент». Так что птичкам из «Шереметьево», которым аккуратно зашили глаза, еще повезло.

Перевозят контрабандных птиц в тесноте и духоте. Больше половины животных в дороге погибает. Но в любом случае — дело выгодное. Штраф за отлов и продажу тех же соколов в нашей стране составляет всего-навсего сорок минимальных окладов. А иностранные зоопарки их покупают по 15—25 тысяч долларов за голову.

В эти же дни в международном аэропорту Казани были задержаны сирийские контрабандисты, которые пытались вывезти 18 соколов-балобанов.

Имп:
вест
с:
esti SU
esti SU
с:
-94,
-03

Телефоны
для справок:
299-21-22,
209-91-00.
По вопросам
доставки:
209-76-27

Отдел заруб
реклам
200-30-1
209-49-2
Отдел рекл
209-34-6

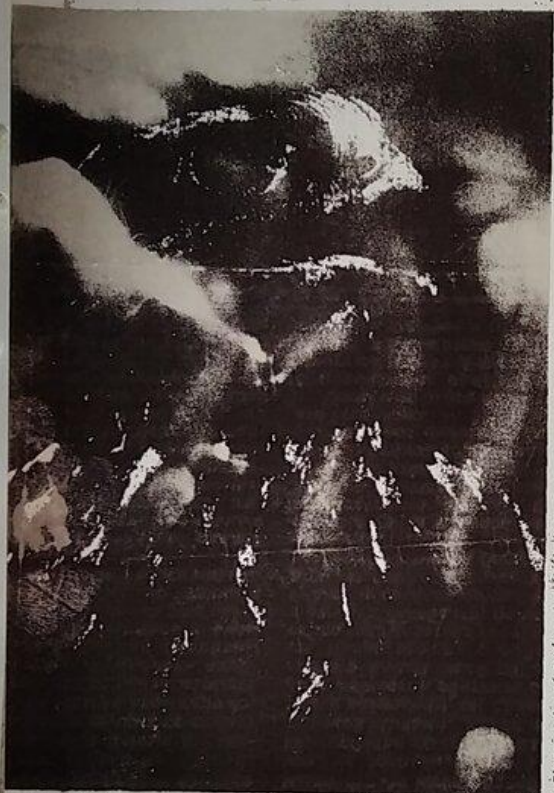
по графику — 15.30 Фактически

«Известия»
7.10.97
№190

СОКОЛ В... ЧЕМОДАНЕ

ПРАВДА В КАВАХСТАНЕ

12 ноября 1997г.

Соколы и раньше привле- мое внимание, но после, как удалось заглянуть в ны их гнездовой жизни из видеосъемки кинока- мы, этот интерес перерос дею сделать о них фильм. ериалов прошлого года тило только на эпизод, едший в фильм о стер- иках, живущих по сосед- . Поэтому в этом году хось продолжить съемки. отому не удалось свер- ся. Весной балобаны загнездились в этом айоне, и самка уже снес- етыре яйца. Но птенцы в де так и не появились. из гнезда исчезли, зато под гнездовой скалой ялись автомобильные ы. У соседней пары, жи- ей в нескольких километ- забрали уже вылупив- ся птенцов. Были разоре- ще шесть гнезд, пригод- для съемки. Итак, из оды было изъято более десятков птенцов. ри года назад такая си- я уже была: тогда разо- асе гнезда в одном гор-

ном массиве, так и не уда- лось обнаружить, куда же ис- чезли птицы. Потом два года гнезда не разорялись, но осенью прошлого года про- изошло событие, которое, видимо, на многие годы из- менит судьбу наших балоба- нов. На соколиную охоту к нам приехал принц из Сау- довской Аравии. Наняв на месте вездеходы, он сделал вояж по местам обитания со- колов в Алматинской обла- сти. Принц привез с собой около трех десятков соколов, а отловив балобанов, подме- нил их на соколов других ви- дов, не представляющих у арабских охотников большой ценности. Трудно сказать, сколько тогда удалось бес- препятственно вывезти не- законно отловленных птиц. Но то, что этим положено на- чало крупномасштабному уничтожению целого вида, это бесспорно.

Соколиная охота известна с древнейших времен. Во многих странах Европы, в России и Казахстане тради- ции были утеряны, и только в

последние годы энтузиасты отали воссоздавать старые обычаи. Но во многих арабских странах охота с соколами никогда не приходила в упа- док, а в последнее время даже приобрела еще боль- шую популярность у разбога- тевших нефтяных королей. В последние десятилетия ста- ли проводиться грандиозные соколиные охоты в пустынях Аравийского полуострова и Пакистана на зимующих там джеков. Джек, или дрофа- красotka, занесенный в Крас- ную книгу Казахстана, живет у нас в пустынной зоне, зи- мует же далеко на юге в пу- стынях Пакистана, Ирана, Сау- довской Аравии и Африки. Джек — самая ценная добыча в глазах арабских соколини- ков. Только на территории Пакистана добывается за се- зон охоты от 5 до 20 тысяч наших джеков. Там же каж- дый год отлавливаются 2—3 тысячи зимующих казахстан- ских балобанов. Традицион- но пакистанцы — самые ис- кушенные ловцы, поставляю- щие соколов на арабский ры- нок. Впрочем, они и сами много и успешно охотятся. Приблизительно четверть птиц гибнет при транспорти- ровке, а остальные их остаются после охотничьего сезона, когда многих отпускают на волю сильно истощенными, — никому не известно.

В последнее время ловцы расширили зону отлова бала- банов от зимовок до мест гнездования. Несколько лет назад пакистанцы начали ис- кать контакты с местными орнитологами. По околице- ваным птицам, пойманым на зимовке, они выяснили места гнездования и стали все чаще навязать в Казах- стан.

Так, в прошлом году груп- па ловцов обосновалась в Ташкенте, и оттуда в Паки- стан вывозились балобаны из Казахстана и Кыргызстана. В этом году кражи приняли ко- лоссальные масштабы. Вес- ной были разорены гнезда в Алматинской области, на ка- захстанском Алтае, в Наур- зумском заповеднике (здесь браконьеры были пойманы, и оставшиеся за живых птицы возвращены в гнезда).

Существует искаженное мнение, что за балобана можно выручить баснослов- ные суммы, фигурируют де- сятки и даже сотни тысяч долларов, это толкает на преступление людей, ничего не смыслящих в воспитании птиц, и те попросту гибнут в неумелых руках, а выжившие уже мало интересуют охот- ников, так как им нужны только дикие птицы, которые охотятся в природе самосто- ятельно. Видимо, беспрепят-

ственный вывоз наших птиц достиг таких огромных раз- меров, что цены резко упали, и хороший сокол у перекуп- щиков стоит около двух тысяч долларов. Ловцы, естествен- но, получают гораздо меньше. Только за последние дни из Ташкента в Пакистан было вывезено около 50 казахстан- ских балобанов, в Москву си- рийские ловцы вывезли не менее 20 птиц, далее через Шереметьево они попадут на арабские рынки.

В этом году в Алматы при- ехало до сотни ловцов, в ос- новном сирийских. На днях в городе милицией был изъят один балобан, а там же — четыре птицы, спрятанные в чемодане у пассажира, от- правлявшегося в Саудовскую Аравию. Частью в наши дни чартерные рейсы на Аравий- ский полуостров уносят в дале- кие страны десятки балоба- нов. Уже целый месяц охотит- ся в наших краях принц из Са- удовской Аравии. Причем, со- вершенно официально полу- чено разрешение на охоту на краснокишного джека (до- зволено поймать с соколами 100 джеков) и отлов 15 бала- банов. Поскольку джеки уже улетели на юг, 100 птиц до- бить не удалось, и тогда охот- ники переключились на отлов соколов, прочесывая все гнез- довые участки от Бетпак- Дала до Алакола. Принц при- вез с собой более 70 ловчих соколов, и сколько теперь бу- дет вывезено из наших бала- банов — нетрудно догадаться. Остается только рассчиты- вать на честность и компетент- ность чиновников. Каживох- раны, сопровождающих бри- гады. Даже самые оптимисти- ческие оценки количества ба- лобанов для территории Ка- захстана дают всего несколь- ко сотен пар. Немного же лет понадобится многочисленным принципам, чтобы свести их на нет!

Ситуация забавна тем, что сейчас обещаны валютные ин- вестии на будущую охрану птиц, которые сегодня уни- чтожаются. Совершенно не из- вестно, куда пойдут эти се- ребряники, а пока немалые доллары зарабатывает обро- тистое СП «Сункар», орга- низованное грандиозное бафари. Видимо, не существует таких законов в нашем государстве, которые способны оградить сокола балобана от полного уничтожения. Уже сейчас до- ле нескольких гнезд не ви- деть их хозяев — скоре все- го, они пойманы и увезены да- леко от родных мест.

И нет никакой надежды, что пернатые пленники омо- гут вернуться и дать потомст- во.

Олег БЕЛЯЛОВ
Фото автора

Грузите балобанов бочками

Колосовская

14 ноября 1993г.

Уже когда увидела свет публикация «Сокол... в чемодане» («Комсомольская правда» за 12 ноября, 1993 г.), в истории с казахстанскими с балобанами открылась новая страница и самые мрачные прогнозы подтвердились.

11 ноября сотрудниками таможни совместно с инспекцией по охране животного мира была обнаружена партия балобанов. У 16 граждан Сирии и одного из Саудовской Аравии, отбывавших из аэропорта Алматы чартерным рейсом в Сирию, изъято 48 балобанов. Птицы были спрятаны в чемоданах и сумках, спеленутые специальными нахидками. Неизвестно, сколько птиц не попало на досмотр, так как большинство пассажиров рейса при виде таможенников в панике разбежались. Многие из задержанных нервно говорили по-русски, так как в свое время учились в советских вузах. Они не скрывали, что это не первая партия за нынешнюю осень.

Браконьеры заплатили штраф и были отпущены. Видимо, сумма в 500 тысяч рублей за каждого сокола при стоимости в две тысячи долларов не может быть серьезной преградой для ловцов, и поэтому есть смысл многократно увеличить штрафы.

Орнитологи, осмотревшие изъятых птиц, отметили и еще одну очень опасную тенденцию: если раньше отлавливались преимущественно молодые крупные самки, то теперь ловцы берут без разбора всех птиц. Таким образом, из природы исчезают взрослые птицы, уже создавшие пары и размножающиеся. Поведение многих молодых птиц указывало, что они еще весной были взяты из гнезд и воспитаны человеком. Семь птиц были истощены до предела, и их пришлось оставить, чтобы попытаться спасти. Остальные птицы были возвращены в природу.

В эти же дни сотрудники инспекции по охране животного мира еще несколько раз задерживали граждан Сирии, были изъяты голубиманки и силки для ловли соколов. В горах Богаты у браконьеров изъяли балобана, а в другом случае из преследуемой инспекторами «Нивы» была выброшена коробка с двумя балобанами, семи же браконьеры скрылись. Эти три птицы тоже были отпущены на волю.

Примечательно, что сейчас готовится обоснования, лимитирующие добычу балобанов в Казах-

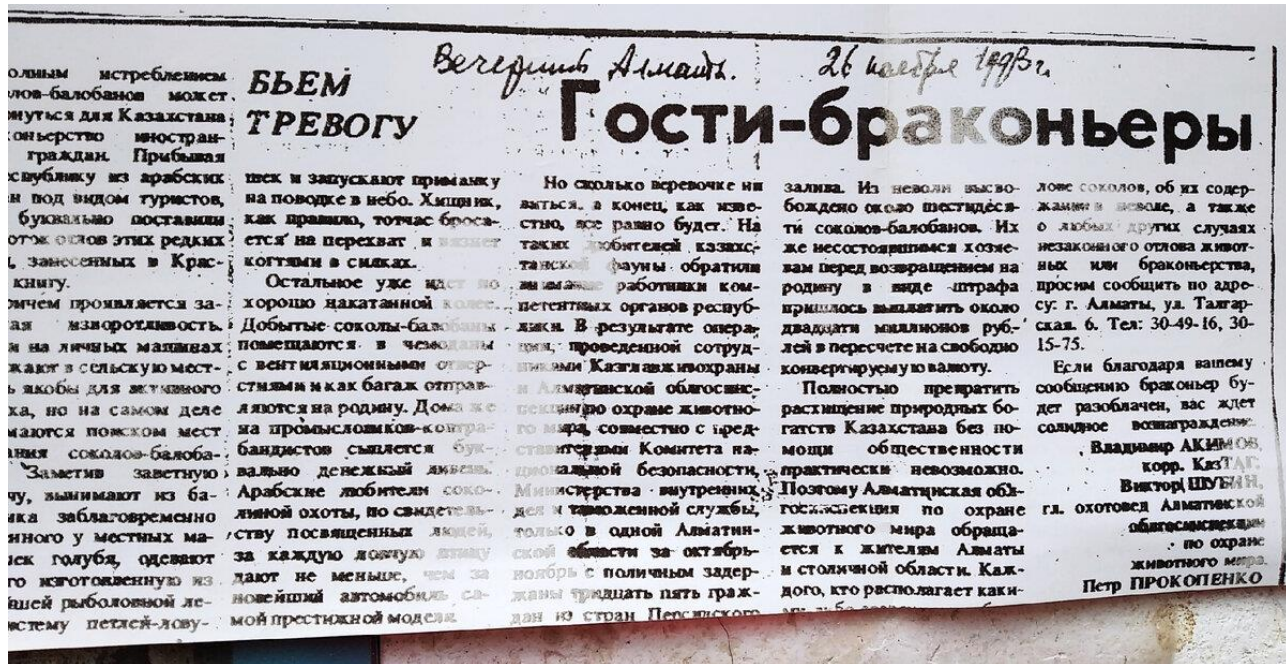
стане. Предполагается, что отлов все же будет разрешен, но богатые охотники должны будут возмещать каждого пойманного или балобана выпустить в природу пять птиц, выращенных в неволе. Пока что не проводились исследования, как происходит адаптация таких птиц, насколько они жизнеспособны. В наши дни на популяцию балобана давит такой прессинг, что, видимо, уже теперь изменилась ее структура и количественное соотношение птиц по полу и возрасту. Нужны очень серьезные исследования. Беспоконт и такой вопрос: а почему бы охотникам не продавать птиц, разведенных в неволе, диких же оставить в покое? Или же разведенные соколы не устраивают охотников? Тогда как же они будут охотиться самостоятельно и выкармливать потомство? В настоящее время видная выгода от всех этих манипуляций с балобанами будет у СП «Сункар», которое занимается разведением балобана в неволе, организационной соколиной охоты для заморских гостей и, что немаловажно, участвует в международной программе по изучению этого вида. Таким образом, «Сункар» имеет в своих руках исчерпывающую информацию по биологии и местам обитания птицы. Понятно, что такого монополиста весьма трудно контролировать.

Оставалась слабая надежда, что хотя бы в одном регионе Казахстана птиц в этом году оставят в покое. Так нет же — вскоре сафари собираются устроить и на Мангышлаке, где опять же пострадают гнездящиеся балобаны. Не повторится ли и в тех краях драматическая ситуация с фонделенными пернатými? Тем более, что стало известно дополнительно: заморские охотники получают очень точную информацию о местах концентрации соколов. Не безвозмездно, надо полагать.

Олег БЕЛЯЛОВ.

КСТАТИ. Даже клетки и зоопарки не спасают диких животных и птиц от их жадных до нежных «старших братьев». На днях из столичного зоопарка украли сокола балобана. Вор, видимо, прослышал, будто птица эта с ценя у знатоков. Вряд ли, впрочем, ему известно, что те же знатоки справедливо полагают: выращенный человеком сокол вряд ли способен стать полноценной полевой птицей. По сведениям из милиции, по подозрению в краже задержан сторож зоопарка.

P.S. По нашим сведениям, МИД Республики Казахстан весьма заинтересовался каналами, по которым пиратские самолеты «гонимы» пробираются в нашу республику и дохо-

Познавательного чтения! С уважением, Елена Шубёнкина.

Наши дети - дети пустыни

19 ноября 2023.

И рассказывать и вспоминать об этом можно бесконечно. Потому что и страна, где они росли, - экзотическая, и родители не совсем обычные, а уж место работы, куда дети отправлялись с папами и мамами, - так вообще кошмар... Думаю, каждый первый так подумает. Ребятишки ездили в пустыню с нами.

Ранее я публиковала рассказы [Черновой Лены](#), где участниками событий были [её сыновья](#). Но это только малая часть тех приключений, о которых можно поведать. Ведь в семье Черновых мальчиков было трое. И только первый, Юра, поехал на полевые с годовалого возраста. Остальные - ещё раньше.

Затоки тоже вывезли своего первенца в пустыню в годовалом возрасте. А мне - не случилось так рано начать прививать любовь к природе своим детям. Они у меня осенние погодки. Так что два весенних сезона я пропустила, это 1984 и 1985 гг. Но в 1986 году всё же наши родители согласились посидеть 2-3 месяца с внуками. Поэтому 1986 год я полноценно отработала на стационаре весной. Но очень переживала и скучала по детям. На следующий, 1987 год мы с мужем решили взять с собой младшего сына, а дочку отвезти к бабушке на Урал.

Лёше было два с небольшим, он уже хорошо ходил и мы с ним могли выходить на мои площадки недалеко от лагеря. Жили мы в вагончике с печкой. А когда стало жарко, то переселились в более просторную палатку. Наш быт постепенно улучшался. Каждой семье заповедник выделил по газовой

плите с духовкой и по паре газовых баллонов. Так что в жару уже не приходилось раскопегаривать печку на дровах для варки пищи. И с пресной водой стало легче: в лагерь в тот год привезли кроме обычной трёхкубовой бочки на колёсах ещё и стальной бак на десять кубов.

В 1987 году на стационаре Бурчлибурун жили: семья Антиповых, Сергей с Галей, мы с мужем и сыном, и Людмила - наш энтомолог. Но вагончик был один, поэтому Антиповы поселились сразу в палатке метрах в пятидесяти от вагончика. А Люда занимала одну из комнат, пока было холодно, а потом полностью там была хозяйкой. Несмотря на тесноту, мы уживались хорошо. Людмила и Галя иногда присматривала за Лёшей, своих детей у них не было.

Тот год был удивительно влажный, порадовавший меня новыми видами растений. Ведь в в пустыне семена могут находиться в спячке несколько лет. И только достаточное количество влаги побуждает эти однолетние растения, эфемеры, начать жизненный цикл длительностью всего-то 2-3 месяца. 5 апреля 1987 года выпал густой снег и лежал несколько дней. Это неординарное событие, за 15 лет жизни в Туркмении это случилось всего один раз.

Снег в пустыне, начало апреля 1987 года. Наш стационар.

Мы с Лёшей по-настоящему ходили по сугробам. Не сидеть же весь день в вагончике. Потом сушили вещи у печки. Так как сын не умел ходить по снегу и всё время падал. Но снеговика мы слепили.

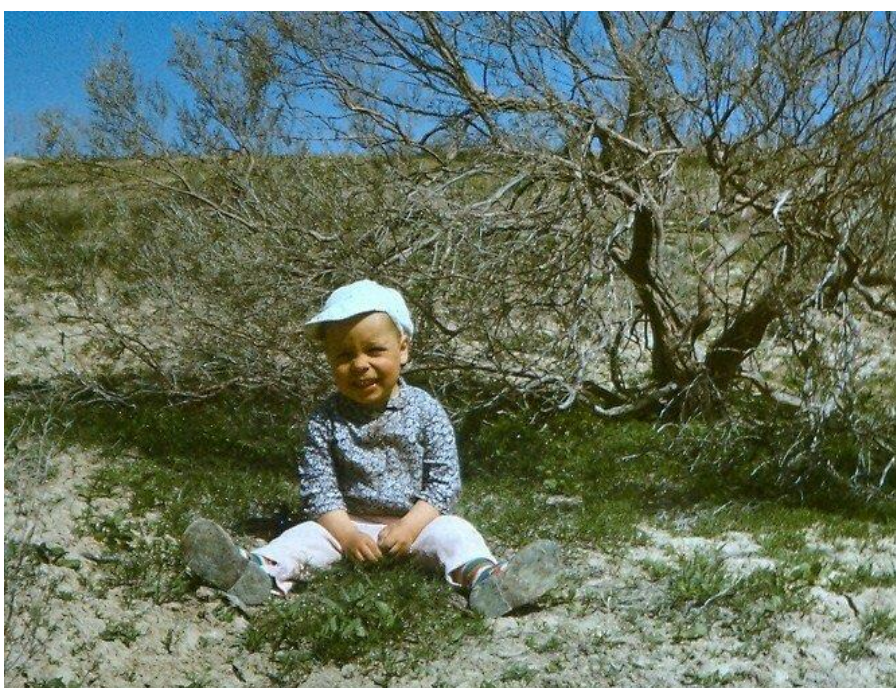
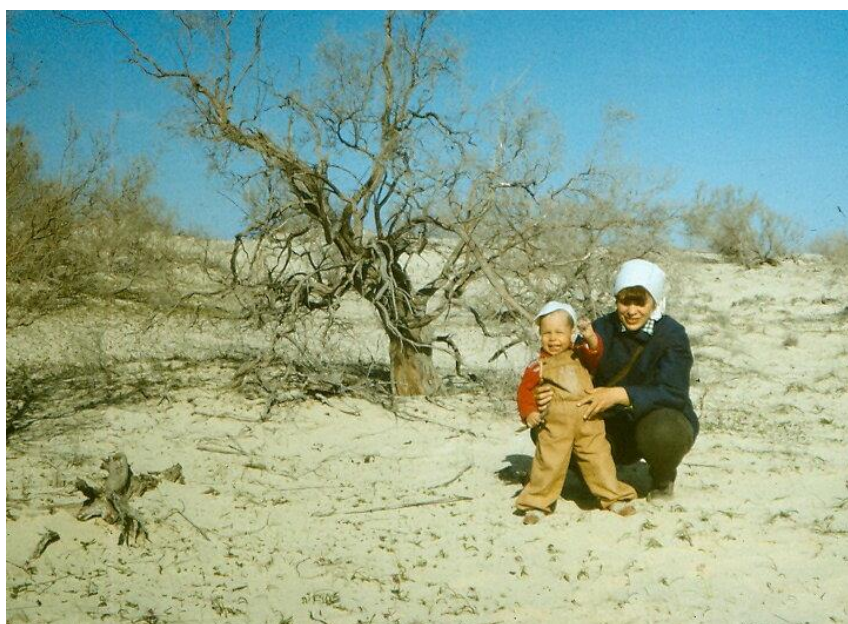
В снежном плену в начале апреля 1987 г. Фото из семейного архива. Листайте!

Если у меня был оптимизм и вдохновение после снегопада, то у Володи было уныние и траур.

Снегопад и понижение температуры всего за неделю уничтожили много птиц и их гнёзд с кладками. Выжившие стали строить новые гнёзда. Но зато в окрестностях поселились тоже новые виды, которые обычно селятся ближе к водоёмам. Ведь в низине перед чинком Бурчлибурун у нас образовалось небольшое болото с обилием трав и насекомых, которые их объедали. Насекомые привлекли новых птиц. Вероятно именно такой климатический эпизод стал основой для диссертации мужа по экологии пустынных птиц.

А мы с сыном собирали гербарий новых видов. В его обеденный сон я определяла растения, а рано утром, пока он спал, обрабатывала собранный материал. Если кто не знает, то гербарий надо постоянно перекладывать и держать под прессом, чтобы правильно высушить. Чтобы потом эти образцы помогли другим ботаникам в изучении либо конкретного вида, либо целого сообщества.

Поскольку Володя обследовал обширную территорию вокруг стационара и часто уезжал на мотоцикле, то мы с Лёшей как правило "работали" вдвоём.

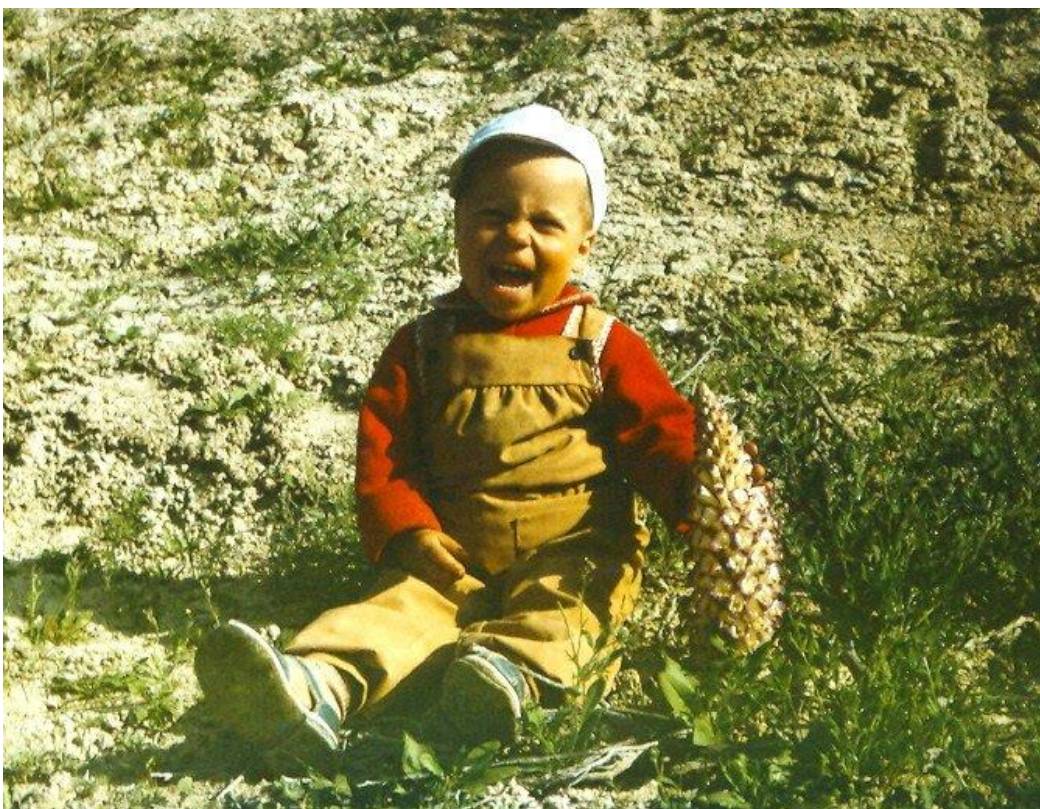
Мы с сыном на моих площадках весной 1987 г.. Фото из семейного архива.

Когда было уже тепло, к нам приехали Затоки с дочкой Катей, старше Лёши на восемь месяцев. Переезды сотрудников со стационара на стационар были обычной практикой, ведь у всех были разные специальности. Андрей занимался герпетологией, а Женя млекопитающими, в частности грызунами. Катюха то ли болела ветрянкой, то ли только что перенесла её. Но наш сын конечно же подхватил этот вирус. Удивительно, что от сестры, которая переболела ветряной оспой зимой, он не заразился. А тут - на тебе! Так что часть полевого сезона он у нас был под цвет травы. Чтобы сын не скучал и не печалился, Володя привёз ему из города велосипед. В город конечно летал после авиаучетов. Потом на машине вернулся с продуктами, почтой и зарплатой. Её ведь регулярно нам выдавали несмотря на наше отсутствие в городе.

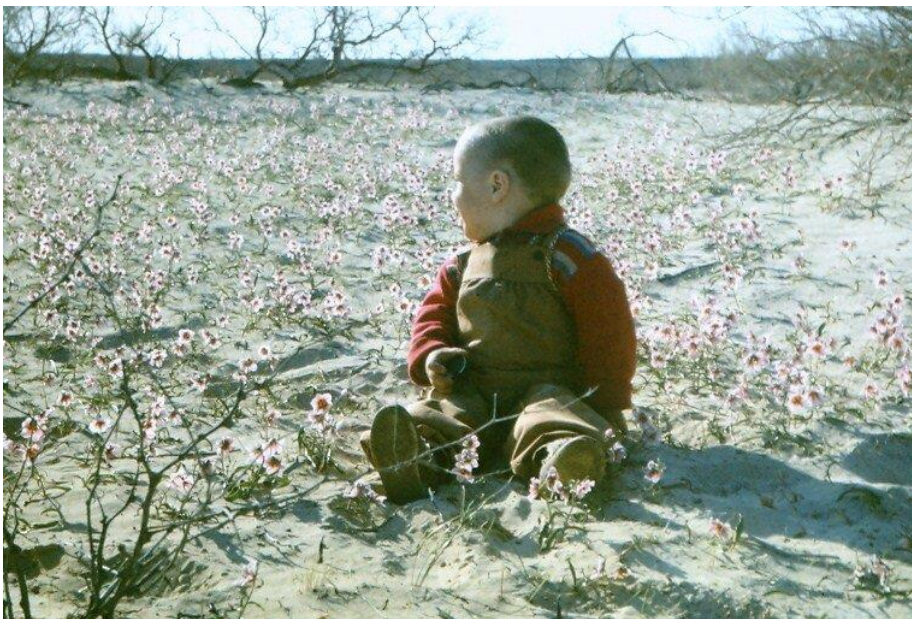
Ветрянка и велосипед. Фото из семейного архива.

Было у Алёши и любимое растение. Он никогда не проходил мимо высоких мясистых соцветий цистанхе (родственница заразихи). Их в 1987-м году было очень много.

Сын и растение-паразит (на корнях саксаула черного). Весна 1987. Фото автора.

Мне же больше всего нравились роголепестники, которые в середине апреля покрывали песчаные наносы сплошным розовым ковром. Конечно же снялись на память.

Идём через полянку роголепестника. Фото из семейного архива. Листайте!

В начале июня на нашем стационаре уже было не так интересно. И мы решили поработать в урочище Мергенашан, где в 1983 году был лагерь нашего свежего пополнения. Туда мы уехали с Людмилой, а Антиповы поехали на берег Сарыкамыша, непосредственно к воде, где располагался лагерь Черновых.

Мы планировали пробыть в интересном каньоне две недели. Но У Лёши поднялась температура и опухло горло. Он стал неохотно есть и вообще был вялый. А жара уже стояла под +35 днём. Мы с 10

утра и до шести вечера уходили с ним в полупещеры каньона, где было на несколько градусов прохладнее. Но когда стало понятно, что это не обычное ОРЗ, Володя поехал за помощью. Мергенашан располагался в 130 км от первой компрессорной газовой станции, где был телефон. Но путь лежал частично через пески. Но муж всё же преодолел его и, уехав утром, вернулся к вечеру. Мы стали собирать вещи. На следующее утро за нами приехали лесники заповедника и увезли нас в Ташауз. Там врач выписала антибиотики, через три дня Лёше стало лучше. Так закончился весенний сезон 1987.

А осенью мы снова были в пустыне. Тогда мы ездили всем научным отделом. И вроде бы даже на двух машинах. Эти выезды были не долгими, исключительно для маршрутных учётов и проверки состояния стационаров. Ночевали на лесных кордонах и в нашем, тогда единственном, вагончике. Ведь в сентябре ночи были уже холодными.

Дети воспринимали эту недельную поездку как весёлое приключение.

Осенний выезд в 1987 году. Слева направо: Аня Шубёнкина, Катя Затока, Юра Чернов.

Дети конечно же дружили. Пустынные встречи, дни рождения как детские, так и взрослые, просто посиделки, - всегда ребяташки были вместе. Юра и Катя ходили в один детский сад. Поскольку мы жили в другом микрорайоне, то садик у нас был другой. Но вот школа потом - одна.

На следующий 1988 год мы поехали на полевые всей семьёй. На стационар привезли дополнительно два вагона-бытовки. И поэтому у нас появился свой отдельный домик на колёсах. Но об этом попозже.

Недетские истории в пустыне

26 ноября 2023

Дети подрастали, становились умнее и самостоятельнее. Мы уже не боялись их возить с собой на полевые. Весной 1988-го старшим было уже по четыре года, а младшим по-разному. Нашему Алексею было три. В этот год на стационаре Бурчлибурун народу было уже шесть человек. К прошлому составу присоединилась недавняя выпускница биофака Лена Свиначук. Она занималась низшими растениями.

В связи с расширением коллектива, заповедник отдал нам ещё два вагончика. Не новых, а тех, которыми пользовались лесники, пока не построили себе кордон из самана. В результате у нас появился собственный домик на колёсах: наш первый вагончик перешёл к нам. Хотя он и был самый маленький, но там уже была оборудована печка-буржуйка. Володя обложил её камнями, обмазал глиной, и в холодные мартовские ночи у нас было тепло.

В конце марта в пустыне ещё ветрено и совсем не жарко. Ходили тепло одетые, далеко от лагеря невозможно было уйти, так как дул сильный ветер. Володя работал, именно в это время хищные птицы занимают свои гнездовые участки. Я чаще развлекала детей в нашем лагере. Но когда муж

возвращался на мотоцикле, ребетня всегда просила прокатить. Катались...

На мотоцикле почетный круг вокруг вагончика Людмилы. Март, 1988

Стол мы перенесли в тамбур, где обустроили кухню с газовой плитой. А в комнате оборудовали спальню. Туда вошли и детские отдельные места, и наше двухместное ложе, которые Володя соорудил из бывших нар. Матрасы, подушки и всё остальное мы привезли с собой. С теплотой сейчас

вспом
инаю
наше
жили
ще, в
которо
м мы
провел
и пять
весенн
их
сезоно
в.

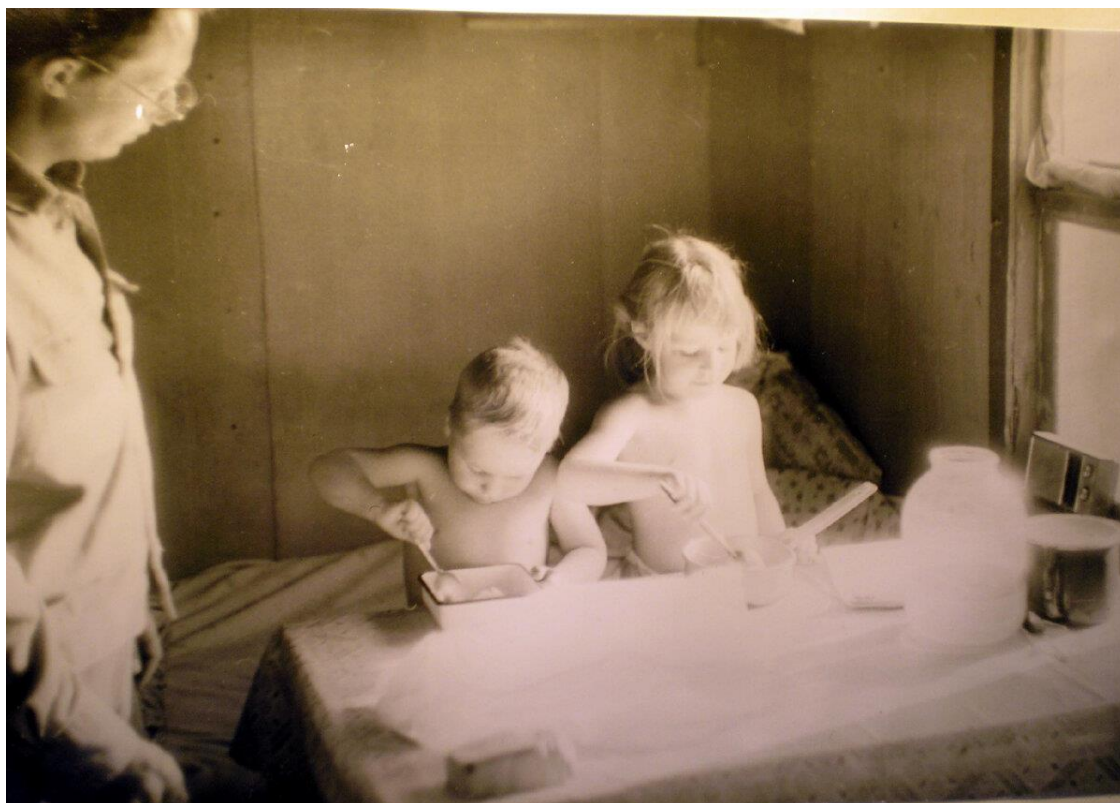

На пороге нашего пустынного дома. Май, 1988.

Дети были на стационаре только в нашей семье. А няnek было аж три. Галя с Людмилой никогда не отказывались присмотреть за ребятами, когда мы уезжали на мотоцикле на дальние площадки на расстоянии 6-10 км. А такие были, так как там обитали редкие растения из Красной Книги. И за ними

надо было вести наблюдения. Но дольше чем на три часа мы не уезжали, а чаще часика на два. Недавно пересмотрела свой полевой дневник за 1988 год. Работала много и собирала материал на диссертацию по структуре и динамике ценопопуляций пустынных видов растений, в том числе находящихся под охраной.

Как правило по работе мы с мужем менялись. Володя уходил рано утром, потому что это именно птичья пора. А я кормила детей завтраком, готовила обед и часов в 10-11 после возвращения мужа шла работать в пустыню. Была дома уже в 12 часов или чуть позже. Тогда Володя сам кормил детей обедом и укладывал на дневной сон.

Обед в вагончике, май 1988. Фото сделал Володин брат.

А где-то в конце апреля приехала к нам родня из Свердловска: Володин младший брат с женой. Мы весело отметили Первомай. И в эти дни смогли с мужем съездить даже подальше: на Устюрт.

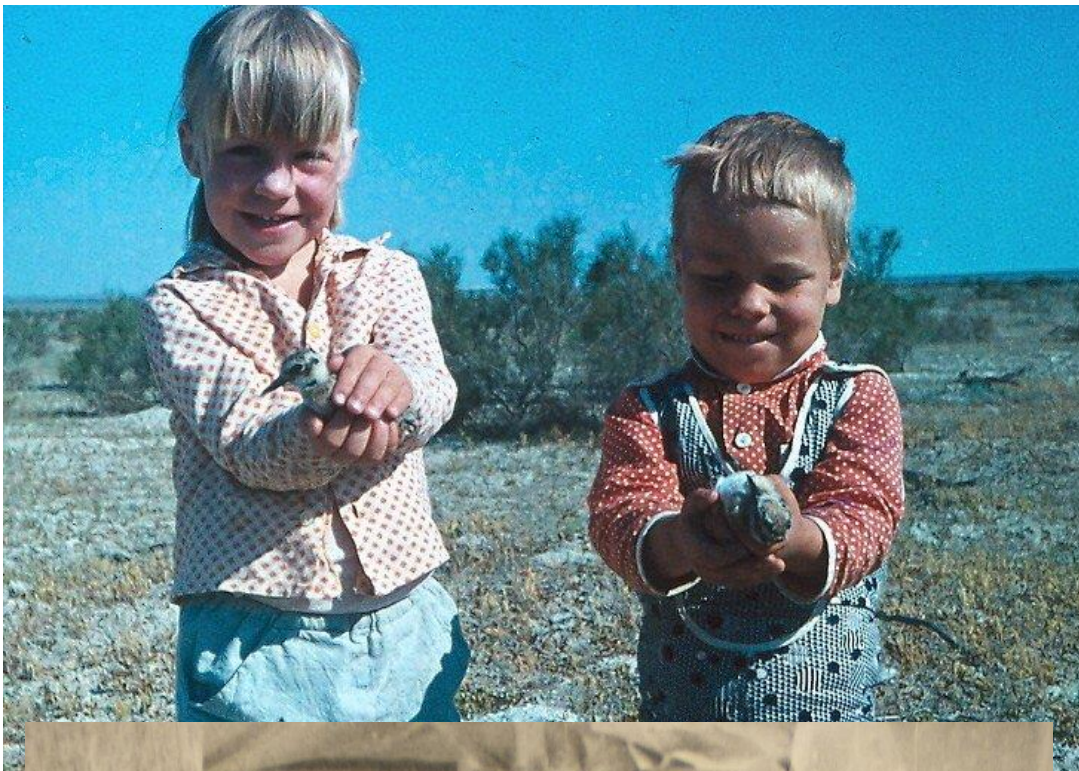

Наш коллектив на Первомае в пустыне..

Дети и нянки и гости у вагончика Антиповых. Май, 1988

Аня с Алёшей подросли и теперь их можно было знакомить не только с растениями, но и с животными. Ведь бегающих и ползающих надо очень аккуратно брать, а лучше рассматривать не касаясь. Черепахи и агамы, скорпионы и фаланги, зайцы и суслики, птенцы всех птиц, за которыми наблюдал Володя. Если была возможность, дети их могли увидеть.

Аня и Алёша с птенцами толстоклювого зуйка, июнь 1988. Листайте, там другие живые объекты.

Поскольку воду нам в этот год подвозили регулярно, то в жару мы даже могли устраивать детям мини-бассейн. Большие железные ящики, которые подарили нам противочумники, пригодились для этого.

Мини-мини бассейн. 1988 год.

Но всё же мы мечтали доехать до озера Сарыкамыш. Чтобы действительно там покупаться. Учеты конечно тоже надо было сделать. Но мы всё равно рассматривали неделю на озере как заслуженный мини-отпуск. Как на море съездить.

И вот в начале июня мы решили переезжать, потому что всё уже высохло, а птицы отгнездились. На Бурчи приехали две машины (ГАЗ-66), одна для нас, вторая для Людмилы. Вот так мы грузились.

Люда возится с детьми, я готовлю обед для всех, а Володя грузит вещи в обе машины. Июнь 1988.

На Сарыкамыш мы приехали вечером, и сразу поставили палатку, и натянули полог от комаров и мошки. У озера вечером и ночью спать без защиты было невозможно. Даже чтобы куда-то выбежать в сумерках, приходилось мазаться реппелентом. Поэтому часов в восемь вечера мы загоняли детей в полог, и ужин выдавали им тоже туда. Потом при свете фонарика до сна читали книжки, играли, пока не наступало время сна.

Вот в такой палатке красного цвета мы жили на всех стационарах кроме Бурчли с 1987 года.

Но с рассветом гнус куда-то исчезал, и можно было спокойно жить. На озере обитали Черновы с двумя сыновьями. Юра с Аней родились в один год, а Паша - на год позже Алёши. Веселая была компания. Играми они увлекались с утра до вечера. Только конечно приглядывать за ними всё равно

нужно было. Особенно, когда они в озере бултыхались. Без взрослого купаться не разрешалось.

В озере, июнь 1988. Слева направо: Паша Чернов, Аня, Юра Чернов, Алёша.

В этот год мы пробыли на Сарыкамыше всего неделю. Так как кончались продукты, да и жара стояла невероятная. Дети достойно выдержали полевой сезон, ни разу не болели, загорели, окрепли. Мы были благодарны нашему руководству, что вовремя снабжало нас пресной водой: не из городского водопровода, а дождевой водой из пустынных сардобов. Эта вода была не солёная, а главное - без букета агрономической химии с хлопковых полей. Ну, и каждый раз привозили свежие овощи и кефир в бутылках.

Этот кефир было невозможно пить, такой кислый он был. Но зато долго не портился. Мы приспособились использовать его в качестве закваски. Разводили детскую финскую молочную смесь,

остужали, получалось отличное молоко. И вот на этом молоке делали новый кефир, который потом все с удовольствием пили. А первичный кефир отлично шёл на закваску теста. Да, пироги мы тоже в пустыне пекли. Ведь газовая плита была с духовкой.

Осенью мы как обычно тоже поехали в пустыню. Но в сентябре к нам приехали погостить мои родители, вдвоём. Мы смело оставили детей на их попечение на две недели, ездили без них. А ребята ходили в садик.

Мой папа с внуками около их детского сада. Сентябрь 1988

Наверно и дальше продолжу рассказывать про детей в пустыне. Может и не только. Потому что в Туркмении по-другому относились к детям, как в детсаду, так и в школе. Но пока что большую часть года они проводили с нами.

На пороге школы, последние полевые по правильному графику

11 февраля 2024

Летит время! И вот пора дочке собираться в школу. 1990 год стал для нашей семьи знаменательным: муж защитил кандидатскую, а Аня пошла в первый класс. Но до школы мы отработали наш полевой сезон полноценно и продуктивно, несмотря на то, что Володя половину мая провёл в разъездах по поводу получения первой своей ученой степени.

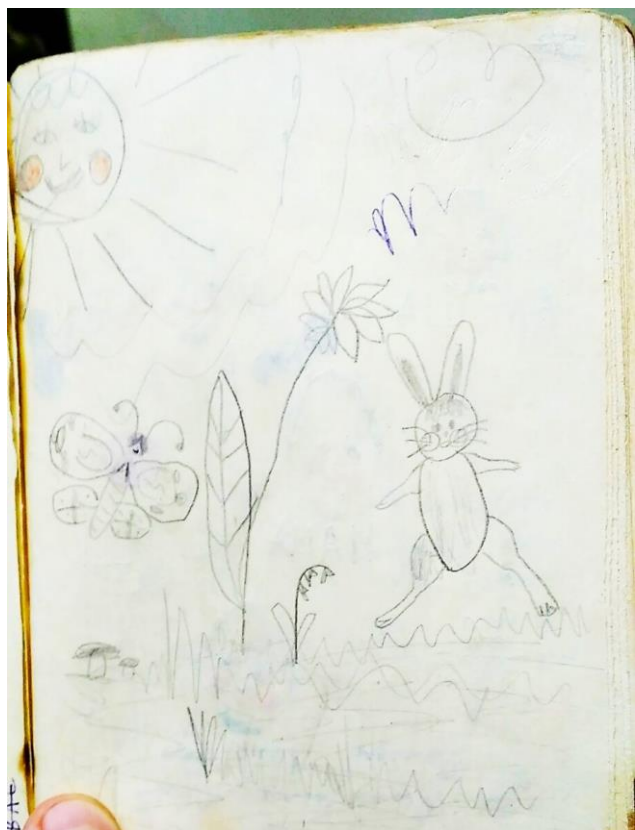
Выехали мы как обычно на наш стационар Бурчибурун в начале апреля. Весна не была поздней, но мы в срочном порядке допечатывали в городе диссертацию и автореферат. Если кто помнит, то компьютеры в 1990-м были только у немногих. Поэтому печатать (и перепечатывать) мужнину кандидатскую мне пришлось на пишущей машинке. А поскольку там было ещё и латыни много, то

искать в Ташаузе пишущую машинку с латинским шрифтом. А вот автореферат удалось сделать на компе. Это был самый первый агрегат, который привёз Андрей Затока из Москвы. И это был прекрасный выход, ведь автореферат нужно было распечатать не в трёх экземплярах, как работу, а что-то порядка десяти. И это была настоящая палочка-выручалочка, так как компьютер Андрей привёз вместе с принтером.

Закончив оформление и разослав всё рецензентам, мы со спокойной совестью поехали работать. Но примерно на две недели позже, чем обычно. Потом пришлось навёрстывать упущенное. Но опыт уже имелся, поэтому ход событий в развитии сезонных явлений удалось восстановить.

Дети поехали вместе с нами, радуясь весне и воле. В бытовом плане стало гораздо легче, так как ребяташки подросли. Но до отъезда они переболели гепатитом А. Поэтому мне пришлось запастись диетическим и детским питанием, а при готовке тратить больше времени на обработку продуктов. Так как белок был необходим, а из мяса у нас была тушонка, то из банки вынимались мясные волокна и вываривались. Только потом мясо отправлялось в детскую кашу или макароны. А ещё под вагончиком у нас хранились несколько ящичков с маленькими баночками соков, пюре и прочей вкусности для младенцев. По сути дети питались отдельно от нас. По себе знала, что только правильное питание восстановит печень после желтухи. И конечно чистый воздух и физическая активность помогали укрепить иммунитет сами по себе. А настрой был очень позитивный.

Вот так мы и жили, выполняя уже привычную работу и маршруты весь апрель на Бурчли. Аня с Лёшей уже подросли настолько, что их выносливость не уступала моей. Они почти всегда ходили со мной недалеко от лагеря 2-3 км на мои площадки и маршруты. И даже помогали найти то новый распутившийся вид растения, то гнездо для папы. И Аня даже сама рисовала расположение гнезда, и вешала метку, и мы двигались дальше.

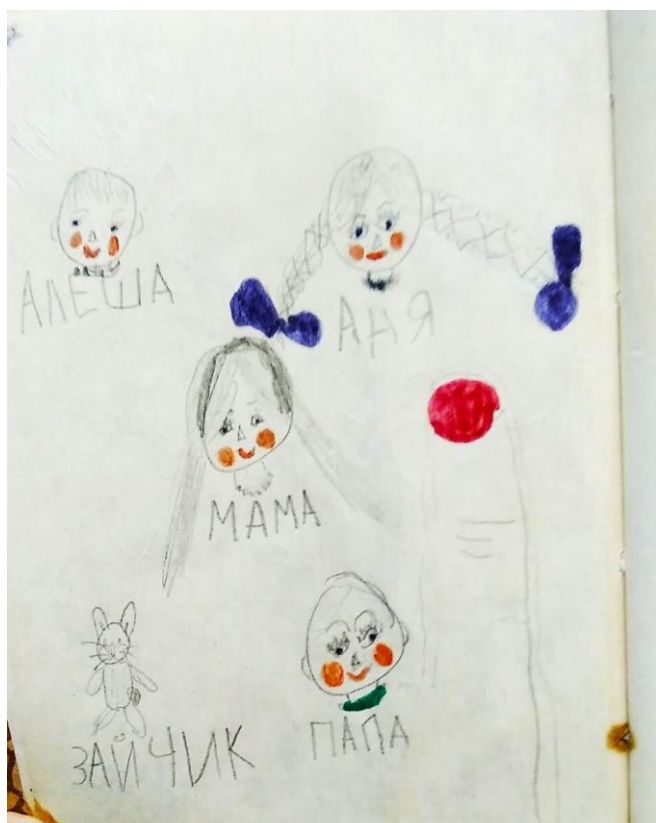

Вместо фоточки Анин рисунок из моего полевого блокнота 1990 года

Дети на Бурчли в апреле 1990. Ящик из-под снарядов - отличная вещь для хранения продуктов и игр.

Аня в свои шесть лет читала, писала печатными буквами и хорошо рисовала. Но в пустыню мы не взяли акварельные краски, только фломастеры и цветные карандаши.

Наша семья, 1990 год. Зайчик встретился недалеко от лагеря: под впечатлением. Из полевого блокнота

В конце апреля мы как и в прошлом году переместились на второй стационар, впадину Акча-Кая. Там

стояли лагерем как обычно Затоки и группа студентов из Саратова. Мы там пробыли неделю и очень интенсивно работали. Даже не было времени до фонтана выбраться. А вот празднование Первомая запомнилось.

Парад 1 мая в Акча-Кае

Весёлые студенты надули воздушные шарики, сняли стенку красной платки и натянули её на длинный шест, нацепили на себя всё полевое оборудование: бинокли, фонари, мелкокалиберную винтовку, связки давилок и фляжки. Володя как зам. по науке принимал парад. Ане тоже захотелось влезть на бочку с водой. Момент я запечатлела, успела.

Алёша на первомайском параде с цветочком

Пробыли мы на Акча-Кая до 5 мая. Потом на пять дней улетели в город. С улучшением транспортной ситуации в заповеднике мы всегда планировали теперь побывки в Ташауз. К маю в оазисе поспевала клубника, дети витаминизировались натуральными продуктами и отмывались в ванной. Потом мы проводили папу на защиту диссертации в Свердловск.

10 мая снова улетели на Бурчлибурун. Там мы пробыли до Володиного приезда почти три недели. Но в это время к нам прилетали гости ученые. Визит одного из них по фамилии Голуб запомнился хорошо. Это был геоботаник с Волги, который разрабатывал новые подходы к классификации растительных сообществ. И мы с детьми водили его по всем нашим пустынным площадкам. Возвращаясь как-то с равнины, заглянули в овраг к гнезду филина. Володя просил следить за ходом событий. И нашли там уже выбежавших из гнезда птенцов. Я хоть и боялась, но филиненка взяла, он не особо и брыкался, так как был худоват. И Валентин Борисович Голуб сфотографировался с ним, и дети.

Я держу филиненка, а научный работник из отделения РАН фотографирует. Май, 1990

Результаты наших совместных походов по моим площадкам дали результаты. Валентин Борисович скромно поставил наши с Леной Черновой фамилии впереди своей. Хотя конечно вклад его был куда серьезнее.

ной среды Тез докл Междунар раб совещ Тольятти Т С
Чернова Е.А Голуб В.Б Синтаксономическая характеристика некоторых расти
тельных сообществ северной части Туркмении Деп в ВИНИТИ г № В
с
Шубенкина Е.Ю Голуб В.Б Синтаксономическая характеристика некоторых
растительных сообществ аридных пустынь Северная Туркмения Тольятти с
Деп в ВИНИТИ № В

Скрин сделала из списка работ В.Б Голуба, который еле умещается на 30 страниц.

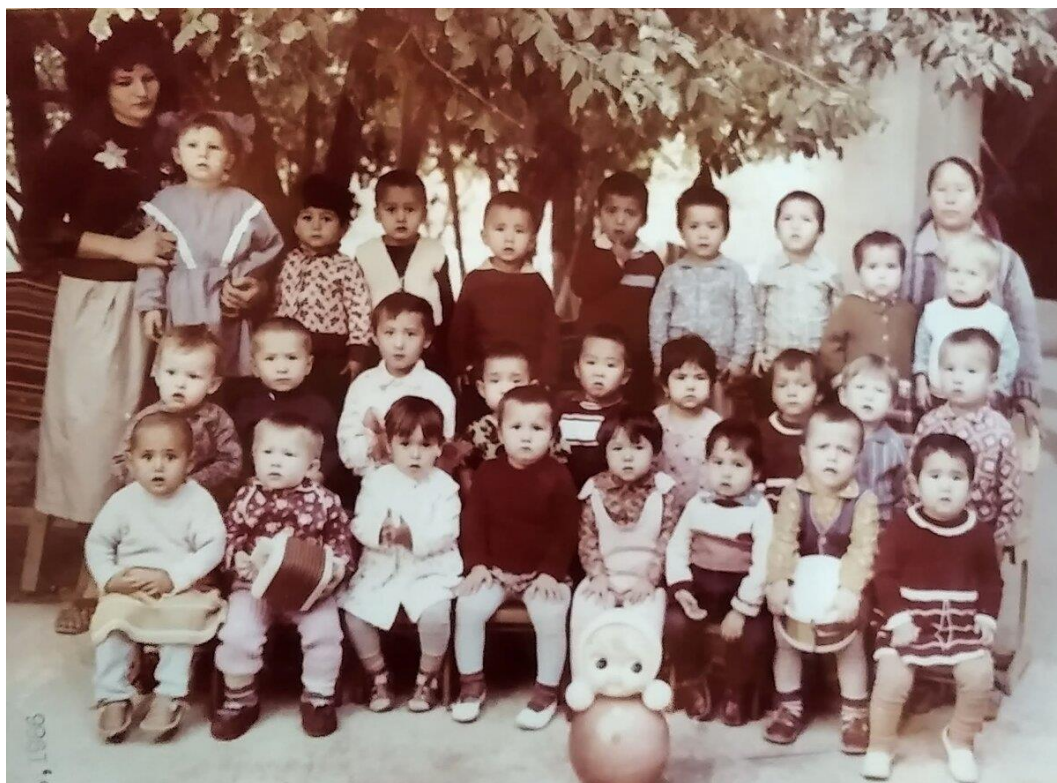
На этом закончу, чтобы не затягивать. Остальные приключения 1990-го года в следующем рассказе.

Как детские учреждения в Туркмении вмещают столько детей?!

14 января. 2024

Республики Средней Азии, и Туркмения тоже, всегда отличались высокой рождаемостью во времена СССР. Когда мы жили там с 1981 по 1995 г, обычная семья, узбекская или туркменская, имела не меньше пяти детишек. А в колхозах по области нормальным было 10 детей в семьях. В русских, татарских, украинских или корейских семьях обычно было 2-3 ребёнка. Но таких семей в Ташаузе, а тем более в области было мало.

Тем не менее места в детских садах всегда имелись. Таких проблем, как сегодня, не существовало. Детсад находился в 300 метрах от дома. Хотя и общались наши дети научного коллектива часто, но это был маленький кружок. Я считала, что детский садик даст больше простора для социализации и подготовки к школе. Детям необходимо было научиться строить отношения в большом коллективе и в конце концов как-то понимать местный язык.

Первая группа Алёши, он - блондин рядом с нянечкой

В нашем подъезде я знала три семьи с детьми: от 4 до 6 в количестве. Часть из них ходили в школу. От школы не отвертеться. А вот малышня оставалась дома. И причина была банальная для всех этих семей: в садик ребенка нужно прилично одеть, менять одежду почти каждый день. Нужна обувь как минимум три пары: уличная, для группы (тапочки) и для физкультуры и музыкальных занятий(чешки). Дома они бегали почти нагишом и босиком. Родители считали, что оставить ребенка дома выгоднее, чем его бесплатно будут кормить в садике. Так что детсад посещали дети из более-

менее обеспеченных семей, а таких в Ташаузе было немного. Группы были по 25-30 человек. Чем младше возраст, тем меньше группа.

Первая группа Ани. Самая бледная блондинка в верхнем ряду получилась плохо.

За детьми присматривали воспитательница и две нянечки. С детишками разговаривали преимущественно на русском. Стихи и песни были из репертуара советских детских учреждений, а там национальный язык не учитывался. Да и директор, медсестра и музыкальный работник в нашем садике были русские женщины. Соответственно воспитателями старались устроить своих. Ведь система кумовства процветала в Туркмении.

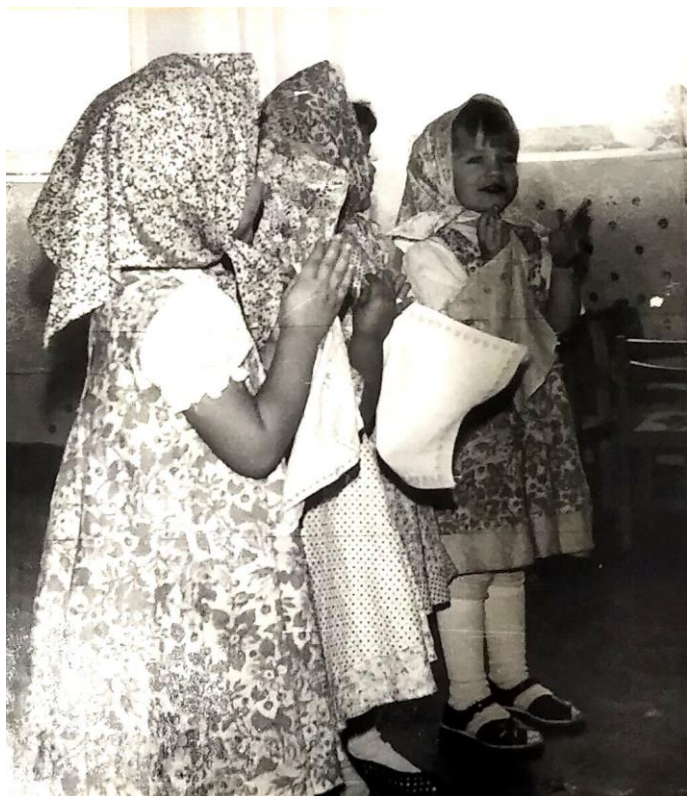

Утренник у Ани к 8 марта

Утренники в детсаду побуждали детей учить стихи, готовить танцы и песни к выступлению перед родителями. Как сейчас помню: 7 ноября, Новый Год, 23 февраля, 8 марта, день рождения Ленина (правда мы не попадали на него, но стихи учили).

Новый год, Аня - снежинка. Платье сшила из своей капроновой кофточки.

8 марта, Аня - матрёшка. Костюм выдали в детсаду

Новый год. Наши дети в первом ряду. Костюмы шила сама.

Мы всегда приходили на детские праздники с фотоаппаратом. Хотя и сам детсад приглашал профессионального фотографа, нашего соседа по первому общежитию. Он делал снимки цветные, но за деньги.

Последняя группа Алёши. Штаны с подтяжками были только у него

Конечно дети болели и вирусными, и кишечными инфекциями. К весне сопли и кашель так уже надоедали, что мы после восьмимартовских утренников спешили забрать детей из садика и готовились к отъезду в пустыню.

Детсад одарил Аню и Алёшу кроме ОРЗ ветрянкой, скарлатиной и желтухой-А. Ну, ветрянка и скарлатина - обычное дело, а вот болезнь Боткина, не такая и редкая вещь для Средней Азии, была воспринята родней на Урале как катастрофа. Но мы уже знали как лечить, и в инфекционку детей не отдали. Консультировались с заведующей поликлиникой, нашим первым и самым лучшим врачом.

Во дворе детсада зимой

Как-то раз забираю я сына из садика, а на лбу у него огромная синяя шишка. Молчит, чуть не плачет. Понимаю, что разговора не получится с ребёнком, спрашиваю нянечку про синяк. Молодая крепкая узбечка ответила мне задорно, что Алёша с Сердаром подрался. Ну конечно странно, даже если драка и была, то куда смотрели воспитательница и няньки, почему так получилось? Вечером уже не стала выяснять ситуацию с заведующей, решила заглянуть к ней с утра.

А дома, когда сын успокоился, стали с ним играть и разговаривать, то выяснилось, что это его Мавлюда тапочком пригрела по лбу. Спрашиваю: "Ты что, с девочками дрался?". Оказалось, что Мавлюда как раз и есть та узбечка нянька, примерно лет двадцати отроду. Утром ребёнок в детсад не пошёл. Пошла я, к заведующей на разборки. Я конечно понимаю, что в семьях, где детей много, такие способы воспитания, как у Мавлюды, обычное дело. Но на работе в детсаду нельзя бить детей тапочком по голове. При всё том, что тапочек этот был увесистым сабо с деревянной подошвой. Няньку эту из Лёшиной группы убрали сразу, назначили пожилую улыбчивую туркменку. Но я и пригрозила, что пойду к врачу и дальше по всем инстанциям. К сожалению это было не последнее увечье сына. Другое было уже в школе.

А про школьные годы - в следующем рассказе.

Национальный вопрос и наши будни в Ташаузе.

21 января 2024.

Средняя Азия в течение 14 лет

Когда мы уезжали в Туркмению, наши родные беспокоились конечно о том, как мы будем жить среди людей с чужой верой, обычаями, которые и русский-то не знают, которые вряд ли нас поймут.

На самом деле в начале восьмидесятых социалистические республики по окраинам России снабжались неплохо. По-моему почти все они были на дотациях, ну а уж Туркмения - точно. И специалистов, которые обучались в российских вузах, принимали в республике с распростертыми объятиями. И даже направляли свою молодёжь учиться в русских ВУЗах. Так, у нас в Университете в Свердловске (ныне Екатеринбург) учились туркмены на журфаке.

Мы же ехали не просто в неизвестность. Нас пригласили работать в заповеднике и поднимать дело охраны природы выпускники МГУ, которые уже несколько лет работали в Сянт-Хасардагском заповеднике на юге Туркмении. Отдел заповедников в Министерстве в 80-е годы возглавляли русские товарищи, грамотные и преданные делу. Так что поддержка у нас была в верхах. А вот приспособляться к жизни в отдалённом от столицы северном областном центре Ташаузе нам приходилось уже самим.

Спасибо школе и универу, толерантность они во мне воспитали. Да, моё сознание коробили некоторые факты и обычаи местных жителей, но всегда вспоминалась поговорка: "Со своим уставом в чужой монастырь не лезут". Ну принято так у них жить и работать, пусть так и будет. А мне придётся как-то объяснять, что есть и другие способы существования, которым я буду следовать не во вред остальным.

Наши первые соседи в новостройке

Что касается работы, то я уже рассказывала, как мы добивались нормального рабочего процесса в научном отделе и уважения руководства заповедника и лесной охраны к нашей работе. Сейчас расскажу о наших соседях.

До переезда в нашу собственную квартиру мы жили в только что построенном доме, в четырёхкомнатной квартире-общежитии (до рождения дочери). На четвертом этаже напротив была трёхкомнатная квартира узбечки Зульфийи и двоих её детей. Удивительно, но Зульфийя была разведёнкой и прекрасно себя чувствовала при этом. Зарабатывала хорошо, детки её учились в русской школе. И она всё про всех знала. Часто приходила в гости в нашу густонаселённую общагу, по-компанейски пила чай и рассказывала свежие сплетни. От неё мы узнавали, в каком магазине "выбросили" в продажу тот или иной дефицит.

На втором этаже жила семья украинцев с двумя детьми. Их папа был известный в городе фотограф. Он работал в местной газете с названием "Ташаузская правда". Туда он делал черно-белые фото, а в детсады и школы - цветные, на чём в основном и зарабатывал.

И ещё соседи: на десять лет

Но когда мы переехали с маленькой дочкой в свой микрорайон Восточный, то в подъезде была только одна семья русская, на первом этаже. Детки там были большие, мальчики-близнецы, которые уже ходили в школу. Так что интересов общих не было, и мы почти не общались. А вот в соседнем

подъезде была семья с новорождённой девочкой. И мы иногда переговаривались с балконов с уже немолодой мамой. Хотя и проживали мы в квартире всего 4-6 месяцев в году, но с соседями по подъезду всё равно познакомились.

Надо напомнить, что Ташауз находится почти на границе с Узбекистаном. Там до Хивы - рукой подать. И в этом городе узбеков было не меньше, чем туркменов. Жили они дружно. В заповеднике и в конторе лесничества работали и те, и другие. При общении с нами туркмены рассказывали анекдоты про узбеков, а узбеки - про туркменов. Но последние - чаще. Узбеки лучше знали русский язык, с ними легче было объясниться, но всегда нужно было ждать подвоха. Это они называли "среднеазиатская хитрость". А туркмены были выдержанными и покладистыми, их доброжелательность до сих пор вспоминаю с благодарностью.

Соседи. Фото из семейного архива. Двое блондинов справа - наши

На четвертом этаже напротив нас была квартира туркменов. В четырёх комнатах жили мама, папа и четверо детей. И родители, и дети всегда с нами здоровались и улыбались. Он говорили нам приветствие по-русски, а мы старались ответить по-туркменски. Сосед время от времени приглашал мужа на плов или чай, когда в семье у них был праздник и приходили гости. Женщин приглашать было не принято. Ну и я была этому только рада. Потому что сидеть на полу так и не научилась: неудобно ни сидеть, ни пить, ни есть. А потом как-то случайно выяснилось, что в Нижнем Тагиле, откуда муж родом, в доме его родителей в том же подъезде живёт родной брат соседа. Ну тесен же мир! Правда передавать дыни в подарок муж категорически отказался: своей поклажи в отпуск всегда много было. А письма и небольшие передачи возили конечно.

На третьем этаже под нами жила узбекская семья. Не зажиточная, но и не бедная, судя по тому, как одевалась хозяйка и трое детей. Мы конечно с ними поддерживали отношения, и здоровались, и

улыбались. Но когда наша квартира осталась без присмотра на полгода после переезда в Свердловск, то подростки из этого семейства взломали нехитрый замок и вынесли всё ценное, что оставалось: телевизор, кожаную куртку, водку с лоджии (припасы для грузчиков на переезд). Сосед напротив поймал за руку воришек, вызвал милицию. По сути он шёл на конфликт с соседями, с которыми надо жить дальше, ради нас, которые уже уехали (правда муж оставался в Ташаузе ещё полтора года). Вот такие разные соседи у нас были. Как впрочем везде.

История с томатной пастой

Ещё на третьем этаже жила узбекская семья с 6 или 7 детьми. Я так до конца и не посчитала детей, мне тогда и пять казалось много. Жили они очень бедно. Даже зимой мальчишки бегали по подъезду босиком. И муж, и жена были очень изможденные, невысокого роста. Но мать семейства каждый год беременела. На моей памяти двое детей её умерли. Я отдавала её детишкам всё, из чего повзростели наши дети. Уже не помню имени, но пусть будет Зухра. Так вот Зухра так прониклась моей помощью, что однажды попросила меня помочь закатать томатную пасту впрок. У неё сломалась закаточная машинка. Я взяла свою и спустилась к ним в квартиру. На плохом русском Зухра объяснила, что у неё вся томатная паста портится и не доживает до холодов. А зимой очень нужна, ведь если помидоры летом продают по 3 копейки за кило, то зимой уже по 3 рубля. А с томатом и шурпу варят, и лагман.

На плите уже кипело в тазике томатное варево, литров десять. А рядом стояли трёхлитровые банки, грязные и мутные, из-под хлопкового масла с прилипшей пылью и песком. Говорю: "ты чего банки-то не помыла? Теперь мне ждать придётся, пока ты всю эту грязь отмоешь." Зухра стала уверять меня, что банки чистые, что всегда в такие томаты закатывала. Ну теперь мне стало понятно, почему томатная паста портилась... Ничего мне не оставалось делать, как идти домой и нести свои чистые трёхлитровки. Благо были лишние. Так что сделала, как себе. Потом зимой Зухра мне всё время напоминала про этот случай и благодарила. Вот так и жили.
